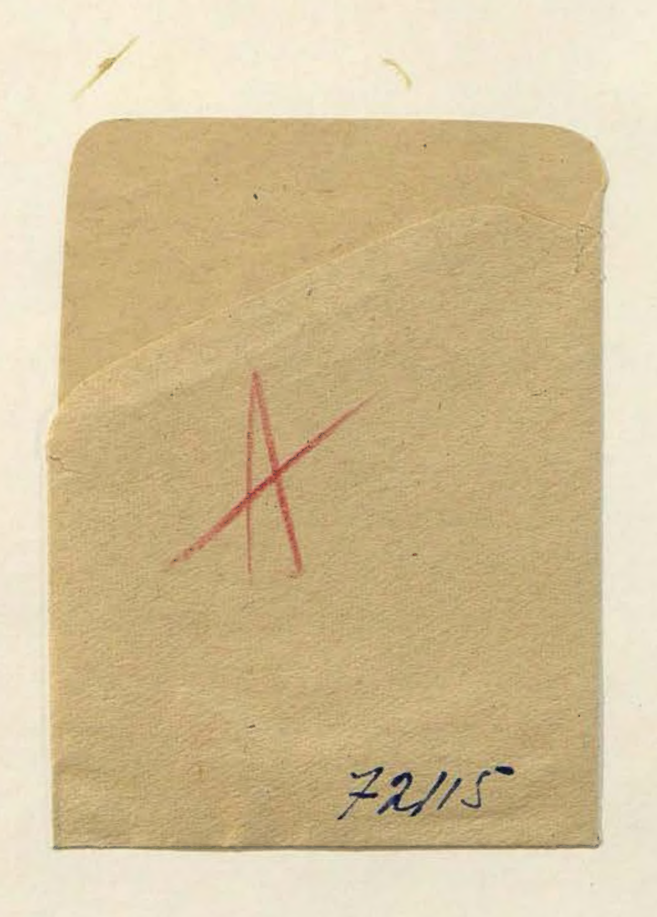
Иванов Е. П.

Русский народный лубок.

Москва 1937

72115

Индекс 76/И 20

АННОТАЦИЯ

В настоящей книге собраны лучшие образцы народных картинок XIX и начала XX века. В содержании, в изображаемых типах и текстах этих картинок нередко заключается зерно скрытого протеста и иронии трудящихся против кулака, купца, ростовщика, чиновника, барина. Картины дают яркое представление об отошедшем в прошлое русском быте.

По своей художественной ценности лучшие из них еще не утратили родства с истинным народным искусством, в них мы ощущаем налет наивной прелести, всегда характерный для примитивов народного творчества. Растущий интерес к народному творчеству настоящего и прошлого нашей страны делает своевременным настоящее издание русского народного лубка.

Е. П. ИВАНОВ

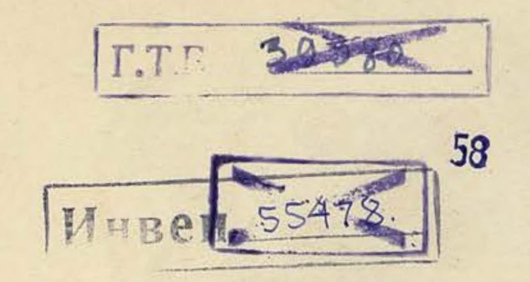
РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ЛУБОК

С 90 одноцветными и 13 красочными репродукциями

ИЗОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
1937

Е. Д.

ОТ РЕДАКЦИИ

Большое собрание народных картинок этнографа Е. П. Иванова, состоящее главным образом из образцов XIX и начала XX века, представляет естественное и вместе завершающее дополнение к основной массе народных картинок, описанных Д. А. Ровинским в его большом пятитомном труде «Русские народные картинки» (изд. Академии наук, 1881), включающем все образцы их, изданные до 1839 г., когда эти картинки стали выпускаться лишь с разрешения цензуры. Названию «народные картинки» Ровинский отдает предпочтение перед термином «лубочные картинки». Последний до сих пор не получил вполне убедительного разъяснения, несмотря на несколько предложенных вариантов, и чаще всего определение «лубочный» в ежедневном обиходе считается просто синонимом всего дешевого, плохого. Название «народные картинки» шире по значению. Оно позволяет включить в их число не только образцы собственно «лубочных», грубо исполненных картин бытового содержания, но и все листы, издававшиеся вообще «для простонародия», а к ним относятся и образцы более высокого качества, как отпечатки с некоторых досок граверов конца XVII и всего XVIII века (Афанасия Трухменского, Леонтия Бунина, Алексея и Ивана Зубовых), листы религиозного содержания, календари, виды городов, монастырей и т. п.

Настоящий альбом воспроизведений с отдельных листов собрания Е. П. Иванова можно было бы также озаглавить «народные картинки», так как в его состав включены, кроме образцов обычных лубочных изображений, и листы, близкие к последним, частью и совсем иные по содержанию и технике, но также предназначенные главным образом для крестьянской среды и близких к ней по культурному уровню групп городского населения, особенно в провинции. К таким листам относятся, например, литографии, исполненные за границей по заказу фирмы Дациаро, или литографии с изображением этнографических типов России (нередко также исполнявшиеся за границей). К той же группе надо отнести и оттиски с пряничных досок, и яркие цветные образцы обоев для тех же потребителей в деревне и глухой провинции, и, наконец, листы поучительно-религиозного содержания. Близость общего стиля изображений последнего рода к миниатюре, иллюстрирующей текст духовной книги, позволила включить в состав альбома и оригинальный рисунок в красках религиозно-поучительного содержания и образцы, исполненных также от руки, выдающихся по красоте миниатюр и заставок из старинных рукописных книг.

Но, отвечая принципу Ровинского отчасти в самом заглавии и в более свободном подборе материала, альбом все же представляет совершенно особый тип издания, в связи с различием характера листов каждого века. Лубочные картинки, входящие в состав собрания Е. П. Иванова, издавались в течение последних ста лет существования царской России. Они во многом отличаются от образцов XVIII и начала XIX века, описанных Ровинским. Представляя основную и наиболее интересную часть всей массы народных картинок, эти образцы более раннего периода носят на себе печать особой свежести, естественно присущей каждому производству при его возникновении и в годы высшего расцвета. Благодаря разнообразию и жизненности тем, умелому расположению композиции и стильной остроте форм, нередко повторяющих в русской переделке немецкие, французские и голландские гравюры, этот основной массив народных картинок во многом превосходит

большинство позднейших листов XIX века. Последние часто шаблонно повторяют избитые схемы композиций, безличные фигуры и однообразные, с пошловатым, раздражающим оттенком плоские образы и мысли. Вся основная масса этих поздних, часто крайне грубо и небрежно раскрашенных листов создавалась рисовальщиками-самоучками при издательствах и типографиях, печатавших лубочные картинки с новых и старых досок. Этим низшим, дешевым видом ремесленно-художественного производства предприимчивые люди города снабжали широкие круги народа, еще не доросшего, по их мнению, до возможности ценить произведения настоящего искусства, которым наслаждался город.

Естественно, что, при наличии трудов Ровинского, не представляло интереса описывать и издавать с научной полнотой весь этот поздний материал, совсем не гармонирующий часто со вкусами, идеями и лучшими стремлениями наших дней.

И все же в некоторых отношениях эти поздние листы могут представлять известный интерес и для современности. Прежде всего они являются последними отзвуками старого, безвозвратно отошедшего в прошлое русского быта. В их содержании, типах и сопровождающих их текстах нередко заключается зерно скрытого протеста или иронии трудящихся против кулака, купца, ростовщика, чиновника, барина и всех стремящихся эксплоатировать деревню. Те же тексты и изображения являются и главными хранителями слов и содержания старой деревенской песни, память о которой уже начинает исчезать вместе со старым бытом и вытесняется образцами вызванного новыми условиями жизни песенного творчества. Наконец, несмотря на все присущие этим листам признаки упадка, они во многих случаях все же не утратили родства с истинно народным искусством. Хотя народные картинки создавались главным образом в городе, но, повидимому, в большинстве случаев рисовальщиками, вышедшими из народной массы и сохранявшими еще живые связи с ней. Отдельным образцам картинок этого периода не чужд еще налет наивной прелести, всегда характерный для примитивов народного творчества. Нельзя также отрицать в лучших образцах наличия подчас удачной композиции, известной остроты типов, выражения, а иногда и примитивно-мощной красоты расцветки. Таким образом и эти образцы производства, уже пережившего период своего расцвета, могут еще привлекать внимание не только этнографа, фольклориста, историка, искусствоведа и художника, но и более широкого круга лиц, которым это отражение и наследие прошлого помогут еще глубже и полнее оценить столь отличные от этих отзвуков минувшего достижения и цели современности.

Все эти особенности народных картинок XIX века обусловили характер и состав настоящего альбома. В него входят только наиболее типичные и ценные в бытовом и художественном отношении образцы народных картинок этого периода. Чтобы, по возможности, выдержать художественную ценность альбома, в него не введены грубые по исполнению, банальные цветные литографии с изображением различных игр, ярлыки товарных изделий, обложки дешевых книг для народа и хвастливо-патриотические изображения русско-японской и мировой войн. Сравнительно к художественно лучшим листам на тему о войне принадлежат относящиеся к севастопольской кампании, как, например, включенные в альбом: изображение бомбардировки Соловецкого монастыря, прекращение которой приводится, конечно, в связь с крестным ходом монахов, и лист, иронизирующий над союзниками, представленными в образах, аналогичных басне «Лебедь, рак и щука». Не лишенные, конечно, известного значения для характеристики эпохи, листы этого рода исполнялись в большинстве случаев по заказу фабрик в качестве реклам или по правительственно-полицейскому внушению, в целях пропаганды и внутренней политики, притом же эти образцы создавались часто художниками города в стиле, чуждом содержанию и характеру народного творчества. Таким листам недостает наивной красоты примитивов, а выявить ее возможно ярче посредством отбора подходящих листов и составляет главную задачу этого альбома. Последний можно сблизить в некоторой степени с другим, посмертным трудом Ровинского, изданным под наблюдением Н. Собко: «Русские народные картинки» (СПБ, изд. Голике, 1900), также предназначенным для более широкого круга читателей и включающим только выдающиеся образцы народных картинок первого периода, с кратким изложением самых интересных частей из содержания основного пятитомного издания.

Обращаясь к отдельным листам альбома, нельзя не отметить, что большинство лучших лубочных картинок XIX века относится к периоду от 40-х до конца 60-х годов. Из образцов этой группы и составлен в своей главной части альбом, отдельные листы которого не лишены художественной ценности и характерного бытового содержания. Лиризмом настроения и несколько условным изя-

ществом фигур и композиции, обрамленной по углам барочными мотивами орнамента, отмечен 1-й лист альбома. Здесь, как и в других листах того же стиля (№ 2, 3, 9, 10, 13, 16), исполненных, конечно, тем же автором (при издательстве Белянкина), чувствуется уже утонченность горожанина, его стремление выражать чувствительное содержание песен в приукрашенном стиле пасторали, однако не лишенном оттенка простоты и искренности, живости движения и мимики. Бросается в глаза также, что по общему характеру композиции и темы лист № 3 из этой группы («Русская песня») является предшественником известной картины Кустодиева «Свидание», напоминающей в свою очередь сцену свидания Кудряша и Варвары в «Грозе». Возможно, конечно, что сходство во всех этих случаях объясняется прежде всего типическим и вечным характером самой темы. Излюбленное содержание картин представляют хоровод и пляска. Замечаются попытки изображать фигуры в хороводе каждый раз с новой стороны, со спины, сбоку, чтобы избежать однообразия в этих часто повторяющихся композициях. К лучшим изображениям хоровода и пляски в смысле более живой передачи движения относятся листы: № 7, 12, 17, 22, 33 и «Казацкий праздник» (№ 35). Особенно типичен контраст гуляющих «господ» и крестьян в изображении хоровода на площади провинциального города («У нас было на улице», № 12). К листам, приятным по удачному характеру цветных пятен, несмотря на схематизм рисунка, относится изображение нападения волков на проезжающих (№ 21). Декоративной и необычайно смелой яркостью красочных цветов и птиц и радостной пестротою композиции, привлекающей внимание провинции такими чудесами, как воздушный шар, автомобиль, велосипед и пр., отмечены чудесные в своей неотразимости обои (№ 50—52). Что такие же причудливо яркие, экзотические образы могли иметь успех у покупателей народных картинок, об этом говорят изображения совершенно фантастического содержания и стиля: «Скилла дочь Фарки» (№ 65), «Атаман алжирских разбойников и пленница» (№ 64), «Охота на слоне за тигром» (№ 49) и совсем необычные фигурки женщин и героев, напоминающих богатырей «заезжих» наших былин, на живописных персидских рисунках в стиле восточного лубка (№ 97—98).

Простым и твердым характером штрихов, приближающим лубок к впечатлению гравюры более высокого качества, отличаются изображения былинных и сказочных героев (№ 70—74). Сила этих выразительных, исполненных движения образов привлекает к ним внимание, вопреки однообразно-примитивной схеме композиций. Для сравнения с позднейшими листами в альбом включены две картинки XVIII века, в которых отразились вкус той эпохи и отзвуки ее большого искусства, как об этом ясно говорят стиль одежд, равновесие обдуманной композиции, изящество архитектуры, рисунка и раскраски («Подъячий и смерть», № 43, «Кот и кошка едут в кабриолете», № 58).

Некоторые из картин восходят к старым западным образцам. Таковы изображения танцующих и пьющих медведей на свадьбе мишки косолапого (№ 60) и женщин, вырывающих друг у друга сарафан (№ 8); обе картинки восходят к немецким образцам XV века, причем вторая представляет более приличную переделку темы нескромной немецкой гравюры «Драка женщин за штаны» [1]. Красотой затейливо-сложной композиции и расцветки отличаются листы поучительного содержания: «Ступени человеческого века» (№ 88), «Рачительное домоводство» (№ 87), «Суета суетствий...» (№ 86).

Из картин, особенно ценных в бытовом отношении, выдаются в художественном смысле по удачной композиции или меткой передаче обстановки и типов «Русская свадьба» (№ 32), «Московский сбитенщик и ходебщик» (№ 56), «Раек» (№ 69), «Пряди, моя пряха» (№ 31), «Роспись приданого» (№ 57), а также «Семик» (№ 15), с радостным и сильным, хотя и не особенно бережным характером расцветки. Острую характеристику городского быта дают картины: «Учитель пенья» (№ 42), «В Марьиной роще» (№ 68), «Хозяева горюют, а приказчики пируют» (№ 40), «Воздушное путешествие» (№ 41) и изображения типов ресторана (№ 54—55). Во всех этих листах отражается влияние тем, направления и образов Федотова, Гоголя, Островского.

Но особенно интересны своим художественным стилем, а также по красоте заботливо исполненной раскраски картины религиозного содержания, что, очевидно, объясняется совершенством многовековой традиции и установившихся канонов церковного искусства: фресок, икон, миниатюр, влияние которых отражается в народных картинках на религиозно-поучительные темы. Именно в таких картинках, созданных в старообрядческой среде, особенно приверженной к преданиям и канонам

[1] Впервые этот сюжет скопировал в XVIII веке с французского оригинала гравер ахметьевской печатной фабрики в Москве в листе «Семь баб за штаны дерутся», где женщины одеты во французские платья с фижмами.

старины, ярко выступает эта совершенная, тонкая культура художественного вкуса и замысла, далеко превосходящая плоско-грубоватый реализм лубочных картинок обычного типа, если только они также не связаны со старой традицией формально выше развитого западного творчества.

Из народных картинок, прямо повторяющих образцы церковно-канонической живописи и заменяющих в быту дорогую по цене икону, особенно типична величественная композиция «Страшного суда». Эта идея награды и возмездия за гробом породила светлую и радостную красоту райских садов монаха-живописца эпохи Возрождения Беато Анджелико и ужасы адских мучений, придуманных фантазией средневековья и долго запугивавших человечество. К лучшим листам этого отдела в альбоме относятся старообрядческие листовки, например, поучительная аллегория «Тяжко есть иго на сынех адамлих» (№ 77), красивая по общей композиции, и «Райские птицы Сирин и Алконост» (№ 81—82). Ценен и типичен в смысле исторической иллюстрации лист, изображающий, как истязают пытками героинь старообрядчества Урусову и Морозову (№ 83).

К образцам старой западной гравюры восходят, очевидно, оттиск XVIII века «Искушение св. Антония» (№ 78) и сцены «Жития старца Герасима» (№ 79) — русский пересказ западной легенды о св. Иерониме и льве. Полон выразительного юмора образ льва, несправедливо заподозренного и наказанного старцем и затем удачно доказавшего свою невинность. Близок к созданиям Анджелико по радостной и даже сходной гамме красок и оригинальный раскрашенный рисунок поморского мастера XVIII века с изображением рая, сотворения человека и истории Адама и Евы (№ 80). В поучительной листовке «Старец и бес» (№ 85) величавым очертаниям бесовского крыла позавидовал бы мастер высокого монументального стиля.

Только что отмеченный рисунок поморского мастера представляет уже переход от печатных народных картинок к искусству более высокой ступени: к миниатюрам и заставкам рукописных книг старообрядцев. Богата по раскраске и барочным линиям орнамента заставка из книги «Духовное сладкогласие» северных скитских писем XVIII века. Какое неразрывное целое составляет вся страница, украшенная этой заставкой, затейливым рисунком заглавной буквы и такими же чертами рукописного текста и нотных крючков (№ 92)! Красивы и оригинальны по замыслу и краскам и миниатюры и заставки из книги северных писем «Слово Паладия мниха», XVIII века (№ 89—91). В ней встречается замечательное по красоте орнаментных мотивов изображение трона в небесных чертогах и оригинальное представление о рае, как о богатой, парадной палате, исполненной в сказочных формах народного архитектурного стиля.

Этими образцами тонкого художественного вкуса и высокого мастерства завершается состав альбома. В наши дни, когда художники стремятся украсить культурный быт и жизнь трудящихся лучшими созданиями своего искусства, старому лубку уже нет возврата, но он все же сохраняет значение исторического документа, ценного для изучения старой жизни. Поскольку же весь ряд представленных в альбоме разновидностей народных картинок восходит к наивной прелести и красоте истинно народного искусства, в них и в смежном творчестве поморцев найдется и для нас еще не мало художественно ценных заветов.

Н. И. РОМАНОВ

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ЛУБОК

ВСТУПЛЕНИЕ

История печатных изображений знает много способов и приемов их производства. Временем появления гравюры на дереве считают начало XV века, после того, как первый нюрнбергский бумажный фабрикант Ульман Стромер, открывший «заведение» в 1390 году, сумел широко распространить свою продукцию. Бумага, являвшаяся в первое десятилетие большой, доступной для немногих, редкостью, окончательно упрочилась в последующий период в массовом употреблении как основной материал письма, рисунка и печатания.

Способ гравирования на дереве был крайне упрощенным. Мастер переводил на гладкую, чисто выстроганную доску определенный рисунок и все свободные от линий места глубоко вырезывал. Доска в местах, оставшихся невырезанными, покрывалась краской. Наложенная и плотно прижатая к дереву бумага давала оттиск, резкость и ровность которого зависели от силы нажима и правильного, равномерного распределения краски на выпуклых частях. В середине XVI века итальянские и германские мастера гравюры начали вырабатывать двухцветные листы, получавшиеся в результате оттискивания на бумаге двух или нескольких досок.

Почти одновременно появилась и гравюра на меди. Прием работы ее требовал от мастера особого технического навыка и умения обращаться с резцом или грабштихелем. На чисто отполированную поверхность металлической пластины наносился рисунок, контуры которого углублялись резцом. Оставляя краску, путем быстрого обтирания поверхности доски тряпкой, только в углубленных резцом чертах, художник накладывал на доску увлажненную бумагу и пропускал их через пресс между двух валов, чтобы краска из углубленных мест могла впитаться в бумагу и дать ясный отпечаток.

За гравюрой на меди последовал «офорт», отличавшийся от нее тем, что контуры изображения вместо резца углублялись «протравой» из кислоты. Для этого вся металлическая доска покрывалась лаком, на котором процарапывались иглообразным инструментом линии рисунка, и в таком виде доска погружалась в кислотный раствор. В местах, свободных от лака, получались от травления значительные выемки, заменявшие борозды резца. Этот способ, облегчавший технику мастерства, привлек к гравюре многих крупных художников старого времени.

Таковы были основные известные на Западе приемы изготовления печатных изображений.

Начало гравюры у нас, в России, мы должны отнести к XVI и XVII векам, к эпохе возникновения книгопечатания и появления иллюстраций для Виленского и Львовского апостолов. Первой гравюрой на дереве принято считать оттиск «евангелиста Луки», относимый к 1654 году[1]. Много позднее появились первые самостоятельные отдельные оттиски на религиозные темы, и с 1696 года, после работ гравера Кореня, давшего сюжеты из библии и апокалипсиса с рисунков мастера Григория, мы начинаем встречать и другие самостоятельные лубочные листки. Первые русские граверы вышли из рисовальщиков и знаменщиков московской Оружейной палаты; среди них были: Леонтий Бунин, Афанасий Трухменский с учеником Василием Андреевым, Симон Ушаков и Садлеров.

Русский народный лубок XVIII века — самая примитивная, самая первичная степень гравюры. Недаром изготовители его придумали для него технические названия: «простовик», «простяк», «насечка», а рыночные продавцы изображений еще недавно выкрикивали: «А вот Антипка рисовал, Степка малевал, Иван на полене насекал, тетка Арина коленом давила, а добрый человек покупает, горницу украшает и всех красотой удивляет»...

(Толкучий рынок «Балчуг» г. Нижнего Новгорода, 1907 год)

Впрочем, указывая на простоту, топорность и грубость наших первых лубочных изображений, Д. А. Ровинский говорит, что и западные произведения такого характера по искусству стояли не выше русских. Вместе с тем мне кажется условным определение достоинств и недостатков нашей народной картинки по признакам ее первобытности. Последнее выделило ее на особое место и сделало образцом бытового примитива.

«Лубком» народная картинка будто бы именовалась по основному месту своей выработки и продажи — старой московской Лубянке, где картинки резались на деревянных досках и оттискивались на листы помещавшимися у Сретенских ворот печатниками. По другому объяснению, это название происходит от лубочного короба, в котором офени разносили эти картинки по деревням. Вернее же утверждение Ив. Снегирева («Лубочные картинки русского народа в московском мире», Москва, 1861, стр. 5—6), считающего, что название это происходит от луба, т. е. дерева, некогда заменявшего, вместе с берестой, бумагу. На последнем чертили государственные планы и вырезывали изображения духовного и исторического содержания.

Деревянная доска постепенно исчезала, заменяясь медью, сталью, свинцом, а позднее литографским камнем, цинком, и в XIX веке большинство картинок печаталось уже только с помощью последних.

Древнейшие народные рисунки «жмались», «выжимались» или «оттискивались» в один цвет, после чего поступали в кустарную ручную раскраску или «цветку», производившуюся, по словам И. А. Голышева, в подмосковном селе Никольском, где промысел охватывал около 1000 человек, и в селе Мстеры Вязниковского уезда, где занимался этим ряд семейств в общем количестве до 300 человек. «До сего времени,— говорит Голышев, — раскраска эта очень немногосложна, она употребляет всего четыре краски: малиновую, зеленую, желтую и красную; в малиновый цвет употребляется сандал, вареный в воде с примесью малого количества квасцов; в зеленый — ярь медянка, которая употребляется для окраски крыш, разведенная на воде с медом; в желтый — крукомея, вареная с молоком; в красный — сурик, разведенный на яичном желтке с квасом; из этих 4 красок состоит вся иллюминовка простовика; где перешло за контур

[1] Вероятно и до 1654 года появилось уже несколько изданий с гравированными орнаментными заставками.

рисунка, где не дошло или краска легла на лицо,— не взыскивалось, да иначе и быть не могло, потому что такие картинки раскрашивались скоро и притом щетинными кистями».

Работая ряд лет с мстерскими иконописцами, я смог установить, что состав краски последних делался на чистом яичном желтке и снятом молоке, что выгодно отличает их даже после многолетнего существования от лубков, раскрашенных мастерами села Никольского. Тона таких картинок мягче, ровнее, благороднее. Да и манера их «цветки» аккуратнее «никольской» — с меньшими растеками и выходами за границы изображения.

Исключительный знаток и исследователь русской народной картинки Ровинский охватил главным образом первичные ее периоды и только частично коснулся произведений начала прошлого столетия, почему большинство рисунков, дошедших до нас от 20-х годов этой эпохи, многим мало известно.

Между тем народный лубок представляет отражение эпохи, быта, культуры, общественных настроений, развития и взглядов известной среды, а иногда и значительных исторических событий. Страницы лубка — это своего рода летопись, хронология ее отдельных моментов, особенно ценная как редкая и бесхитростная иллюстрация прошлого.

Для фольклориста лубок имеет также несомненное значение. Он довольно наглядно знакомит с подробностями крестьянской бытовой обстановки, рисует нам производственные процессы и, вскрывая классовую сущность, сохраняет с некоторыми изменениями тексты наиболее популярных, тесно связанных с жизнью песен, народных сказок и анекдотов. Особенно вдохновляла его творцов профессия пастуха. Листов с изображением этой специальности много. Вероятно это потому, что музыкант-пастух, почти неразлучный со своим рожком или жалейкой, казался идеалом песенного творчества и деревенской поэзии.

Издателей лубков на протяжении XIX и XX веков было значительное количество, но история и печатные следы донесли до нас их имена только частично. Среди них Ив. Логинов, принявший московское производство Ахметьева, мстерский археолог И. А. Голышев, ковровский офеня Игнатий Акимович Сорокин (Вязники), ряд иных кустарей б. Владимирской губернии, разноместные монастырские типографии — подмосковные, петербургские, киевские, соловецкая, почаевская, печерская, кафедра петербургского Исаакиевского собора и на первом месте печатни Троице-Сергиевской и Александро-Невской лавр. Кроме многочисленных отдельных издателей[1], организаций, складов и типографий, из иностранных, преимущественно французских, фирм поставщиками вошедших в быт картинок для русского рынка были A. Daziaro, Marotte и Miné.

---

[1] Перечень некоторых издателей лубка: А. Е. и А. Белянкины (Москва), П. Н. и В. Шараповы, они же Шераповы (Москва), лит. Антона и Андрея Абрамовых (Москва), В. Зернов (Москва), Г. Чуксин (Москва), лит. Ф. Ефимова (Москва), мет. А. Лаврентьева (Москва), М. Дмитров (Москва), В. В. Орденов (СПБ), мет. А. Васильева (Москва), лит. И. Перова (Казань), А. Руднев (Москва), лит. А. Прокофьева (Москва), лит. И. Гаврилова (Москва), лит. Е. Яковлева (Москва), С. В. Шишов (Москва), мет. А. Кузнецова (Москва), Покровский (Москва), А. А. Морозов (Москва), лит. А. В. и Ф. Морозовых (Москва), хромо-лит. И. А. Морозова (Москва), Шуров, лит. П. А. Глушкова (Москва), лит. Казаринова (Москва), тип. П. В. Бельцова (Москва) тип. В. В. Пономарева (Москва), Я. В. Писарев и К° (горн. п.), лит. М. Рудометова (СПБ), типо-лит. торг. дома Латкова и К° (Москва), И. И. Орехов (Москва), Лаврентьев — Фролов, книгопрод. В. Г. Шатаев (СПБ), Манухин (Москва), Д. И. Преснов (Москва), типо-лит. И. Е. Ефремова (Москва), И. Т. Губанов (Киев), т-во И. Д. Сытина (Москва), А. С. Суворин (СПБ и Москва), типо-лит. Крылова и К° (Москва), лит. т. д. А. П. Коркина и А. В. Бейдемана и К° (Москва), т-во м-р Н. Н. и Я. Н. Фокиных н-ки (на тканях, Иван.-Вознесенск, Влад. губ.), Чижков, хромо-лит. Е. Н. Коноваловой (Москва), т. д. Е. Коновалова и К° (Москва), лит. Соловьева (Москва), Евреинов, лит. В. В. Несслер (СПБ), тип. К. Ф. Некрасова (Ярославль), Е. Ф. Челноков (Москва), А. Ф. Постнов (Москва), книгоизд. «Авиатор» (Москва), тип. В. Я. Мильштейна (СПБ), книгоизд. А. С. Балашова (Москва), опт. склад В. А. Живарева (Москва), книгоизд. «Зарево» (Москва), «Парус» (Петроград), В. Т. (подробно имя и фамилия не указывались, Петроград), торгово-посреднич. контора

Собирателям попадалось много выпусков и анонимного лубка, не снабженного датами. В первую очередь некоторые оттиски его принадлежали находившимся под запретом тайным старообрядческим типографиям и скитам, за ними шли «нарушители авторского права собственности», похитители чужой темы и изображения (иногда обходившие закон и путем создания сходных вариантов имевшего значительный рыночный спрос сюжета с однородной текстовой подписью) и просто лица, которым по каким-либо соображениям не хотелось соединять свое имя с коммерческими операциями издателя. Последних было, однако, мало, и лично мне приходилось знать только двоих. Был еще альбомный выпуск лубка известного московского издателя Сытина, под оттисками которого частично отсутствовали подписи. По сведениям от старых книгопродавцов, Сытин выпустил всего пятьдесят альбомов — в виду случайной покупки бывших в употреблении клише и литографских камней, с которых и произвел перепечатку. По другим слухам, перепечатка была произведена каким-то иным лицом, от которого в готовом виде перешла в собственность формальному издателю, заключившему материал в переплеты. И, наконец, существовало утверждение, что альбомы эти составлены из старых оттисков, запрещенных царской цензурой в виду непомещения официальных дат. Ближе, конечно, предположение о перепечатке с готовых клише.

Совсем не затронутую исследователями область представляют живописные обои, распространявшиеся в купеческом, мещанском и провинциальном быту. Собственно это те же народные картинки, перенесенные на материал для оклейки стен. Вероятно, на мысль их создания навел даже успех отдельного лубочного изображения. Все отличие обоев от лубка — в беспредметности темы и в отсутствии текстовых надписей, но мастерство в них одинаково. Лет 25 назад они стали бесследно исчезать, и мне посчастливилось приобрести всего лишь несколько, лишенных фабричного клейма и случайно сохранившихся у продавца образцов. Ранее же я встречал их во время поездок по деревням б. Нижегородской губернии и в путевом трактире, и на постоялом дворе, и в избе кулака-крестьянина. Разновидностей их было очень много.

Большое количество лубочных изображений относится к разделам песенному, военному и религиозному. Картины первого рода явились несомненным результатом погони за темой, имевшей популярность и обеспечивающей тираж, второе место занимает искусственная героика и третье — широко развернутая церковная пропаганда далекой эпохи. Художественное значение их для нас равноценно, ибо мы подходим к ним только со стороны оформления, композиции и мастерства, а не по сюжетности.

Отхожие промыслы деревни, особенно связанные со службой в ресторанах, трактирах, биллиардных и т. п., также вызывали большое внимание у остряков лубка. Например, ряд изображений быта официантов или «половых» мы встречаем в период 80-х годов прошлого столетия. Отчасти это и понятно: слуга ресторана в народном представлении был ловкий, оборотистый, плутоватый и «образованный» человек. Быт его казался своеобразным, богатым наблюдениями и изучением психологии окружающих. На знании людей основаны были его «чаевые» доходы, а жил он среди самых запретных соблазнов

СПБ. т-во типо-лит. И. М. Машистова (Москва), Кнебель (Москва), П. Д. Алексеев (Москва), Челноков (Москва, типо-лит. В. М. Ключникова (Казань), В. В. Думнов (Москва), Б. В. Кудинов (Москва), книгоизд. М. С. Козмана (Одесса), К° Рыжковых (Витебск), книгоизд. А. Е. Сазонова (Москва), типо-лит. П. А. Прокуронова и Н. И. Горюнова (Москва), т-во скоропеч. А. А. Левенсон (Москва), выпустивший ограниченное количество военных изображений империалистической войны, В. А. Чаров-Мирский (Москва) и др.

города. В связи с этим представлением и возникло не мало злословных выдумок, острых шуток и каламбуров, давших также темы для изображений лубка. Да и, кроме всего, с личностью официанта связывалась и личность посетителя ресторана — купца, барина, безнадежного городского «прощалыги» — щеголя или плута. Задевая характерные особенности быта слуги, пользовались случаем сострить и по адресу того, кому он служил, к кому с особым предубеждением и бессильной иронией относился основной потребитель лубочной продукции — трудящийся города и деревни.

Из большого количества лубков XIX века в этот альбом отобраны наиболее характерные в смысле содержания и стиля образцы, а также несколько изображений, не относящихся к лубкам, но все же в некоторой степени близких к примитиву бытовой картинки старой, сданной в архив истории царской России.

ЛУБОК — ИЛЛЮСТРАЦИЯ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

В преобладающем большинстве случаев русская народная песня является отражением, как бы пересказом какой-либо из сторон быта. Исключением из этого правила чаще всего служат песни игровые, увеселительные, сложенные для забавы и развлечения. Народный лубок является верной, типичной иллюстрацией бытовой фантазии, бытового, вложенного в примитивную поэзию образа.

Представляя не лишенную наивной прелести, хотя нередко и грубую замену настоящего искусства, лубок играл роль и хронологиста-историка и направителя мысли.

Песенный лубок, зарождаясь часто от народной темы, от народной фантазии, от народного музыкального слова, становился в конечном результате их верным образным историческим хранителем, спутником бытовой обстановки, являясь вместе с тем материалом для исследователя-фольклориста.

Изучение русского народного песенного лубка связано в настоящий момент с особым переживаемым нами массовым подъемом в области собирания ценных для словесника, музыканта и поэта всякого рода материалов по фольклору. Да и сам лубок, в преобладающем большинстве случаев, конечно, тот же изобразительный фольклор, печатная страница летописи народной жизни. Бережно-внимательное отношение к нему диктуется самим общественным интересом ко всякого вида народному творчеству. Если мы широко собираем четко обнажающую свою классовую природу народную песню, с особым тщанием отмечаем все ее разновидности, оттенки, периодические изменения, наносную речевую прослойку, то народный песенный лубок часто будет в этом случае нашим верным союзником и пособником.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 1. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

21,8 (с подписью 32,8) × 27,2 *см*[1].

Экземпляр раскрашен мстерскими кустарями.

Волнующаяся река с лодкой, наполненной людьми в разнотипных костюмах. Гребцы-крестьяне одеты в кафтаны и поярковые шляпы; стоящий по середине лодки мужчина — в обычном для купцов или мещан картузе; сидящий же с веслом на носу — в высокой шляпе с большим пером и в подобии гравированных лат. Вдали берег, на нем дом и ожидающая путников в растворенных воротах женщина.

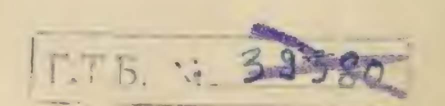
Подпись:

«Въ низъ пo матушки по волги»...
и пр.

---

[1] Цифры здесь и в дальнейших описаниях картин указывают в сантиметрах размеры оригинала изображения. Первая цифра обозначает высоту, вторая — ширину.

3

№ 2. Изд. по оригиналу А. Белянкина, в металлографии Г. Чуксина. Москва. 1849.
16,3×26,2 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Конец деревенской улицы. Вдали — хоровод, играющая и прогуливающаяся молодежь. На переднем плане — речка, возле которой одетая в открытый сарафан и в пестрый, клетчатый передник девушка. На левом плече ее коромысло и деревянные ведра для воды. Слева — скрытая до половины кустом фигура крестьянского парня, снявшего с головы высокую перевитую лентами шляпу. Левую руку он прижимает к груди.

Подпись:

«Во всей деревне катенька
Красавицей слыла:
И въ самомъ дѣлѣ, дѣвица,
Какъ розончикъ цвѣла»...
и пр.

№ 3. Изд. в мет. Г. Чуксина. Москва. 1853.
17,4×26,2 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Встречались экземпляры, раскрашенные подмосковными кустарями района села Никольского.

Соседняя с деревней поляна, служащая пастбищем. Вдали — мужская фигура с собакой и стадо. Слева, на переднем плане,— дерево, под которым сидят крестьянская девушка и рядом с ней молодой, стриженый «под скобку» пастух. В левой руке последнего рожок владимирского типа. На земле высокая поярковая шляпа. Обняв девушку за плечи, пастух полусидит, согнув левую ногу в колене.

Подпись:

«Ванька съ Танькою сѣдитъ,
Танька Ваньки говоритъ.
Ванька Соколъ дорогой
Таньки пѣсенку пропой»...
и пр.

№ 4. Изд. в мет. А. Кузнецова. Москва. 1857.
23,6×36,8 *см.*

Экземпляр раскрашен мстерскими кустарями.

Озеро. Лодка, в которой сидят парень, одетый в цветную рубаху, с ухарски надвинутой набекрень поярковой шляпой, и девушка. Последняя в нарядном цветном праздничном сарафане с плечевыми лямками и в «вышивном» московского типа кокошнике. В левой руке ее — цветная ширинка, намекающая на неизбежность прогулки с гребцом. За озером — вид на деревню, состоящую из шести изб. По бокам изображения — деревья. Слева под ними — пожилые мужчина и женщина, одетые в обычные крестьянские костюмы, видимо, говорят о парне и девушке. Мужчина указывает на них рукой, женщина, держась за грудь и приподняв вверх указательный палец правой руки, как-бы что-то вспоминает.

Подпись:

«Внизъ по рѣчинькѣ струйстой
Легка лодочка плыла.
И въ водѣ прозрачной чистой
Будто въ зеркалѣ была»...
и пр.

№ 5. Изд. в лит. Антона Абрамова. Москва. 1852.

24,5 × 38,3 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Встречались экземпляры, грубо раскрашенные подмосковными кустарями района села Никольского.

Долина с мельницей и пристройками к ней. Вдали — три крестьянских избы. В облаках — стаи летящих птиц. На переднем плане — девушка с веткой в руках гонит к пруду стадо старых и молодых гусей. Одета в обычный крестьянский сарафан и передник, на шее две «низки» бус, на голове — украшенный камнями кокошник московского типа.

Подпись:

«Вечеркомъ красна девица,
Напрудокъ состадомъ шла;
Черноброва круглолица:
Такъ гуськовъ домой гнала:
Тега тега тега тега вы гуськи мои домой»...
и пр.

№ 6. Изд. П. Н. Шарапова. Москва. 1865.

24,8 × 38,8 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Проезжая, спускающаяся под гору дорога с верстовым столбом, указывающим почтовые перегоны. Вдали — хоровод, мчащаяся с седоками тройка и крестьяне, сидящие на завалинке. На переднем плане — молодцеватый ямщик остановил тройку лошадей, запряженную в крытый тарантас. В тарантасе — трое щеголеватых, одетых по городской моде, молодых людей. Возле группы — нарядная девушка в открытом сарафане, в расписанном цветами фартуке, в шитом московского типа кокошнике, с ширинкой в правой руке.

Подпись:

«Ѣхали ребята изъ Нова-города,
Красная дѣвица на улицѣ была»...
и пр.

№ 7. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

24,8 × 37 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Вдали ряд деревянных домов, среди которых двухэтажный кирпичный. В центре хоровод из шести фигур. Справа от хоровода приплясывающий игрок на рожке. Слева пожилой крестьянин из окна избы смотрит на хоровод; перед избой пожилая женщина сидит на деревянной скамье, опираясь левой рукой на палку, перед ней девушка.

Подпись:

«Небрани меня родная
Что я такъ люблю его
Скучно скучно дорогая,
Жить одной мнѣ безнего»...
и пр.

№ 8. Изд. в лит. А. Абрамова. Москва. 1876.

23,6 × 30,3 *см.*

Экземпляр раскрашен подмосковными кустарями района села Никольского.

Слева — беседующие пожилой и молодой крестьяне; последний указывает на группу пяти женщин. Три из них вырывают друг у друга сарафан. Справа одна держит оторванный кусок сарафана, другая разговаривает с ней, подняв вверх правую руку. В народном быту лубок истолковывался как сатира на семейный дележ «круты» или приданого.

Есть еще варианты той же темы.

Подпись:

«Какъ наулицѣ шумятъ,
Сарафанъ бабы дѣлятъ,
...Кому клинъ дать Кому станъ,
Кому весь бы Сарафанъ»...
и пр.

№ 9. Изд. А. Белянкина. Москва. 1851.

16,1×25,6 *см.*

Экземпляр раскрашен подмосковными кустарями района села Никольского.

Холмистая долина с редкой порослью деревьев. Вдали стадо с двумя пастухами, из которых один играет на рожке. На переднем плане под деревом на холме, у подножия которого корзина с яркими большими цветами, сидит украшенная венком, одетая в праздничный высокий сарафан крестьянская девушка. Руки ее полусогнуты в локтях и в условно-изящном движении приподняты вверх. Перед ней длиннокудрый крестьянский парень в опоясанном кушаком зипуне, широких портах и сапогах. В левой руке он держит высокую поярковую шляпу, правой указывает на пастухов.

Подпись:

«Что съ тобою, Ангелъ стало?
Не слыхать твоихъ речей;
Все все вздыхаешь — а бывало
Ты поешь какъ соловей»...
и пр.

№ 10. Изд. по собственному оригиналу Архипа Белянкина в мет. Г. Чуксина. Москва. 1850.

16,4×26 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Лесная поляна, хвойные и лиственные деревья. В центре, на переднем плане, — две гуляющих фигуры: крестьянский парень, одетый в «опоясанный» кафтан, в широкие порты и в сапоги «с набором», и девушка в длинном, отделанном тесьмой и позументом сарафане, в гладком кокошнике московского типа. Правая рука парня касается полей его высокой поярковой шляпы с лентами и перьями, а левая обнимает плечо спутницы. Девушка держит правую руку на бедре. На согнутой левой руке ее висит корзина с грибами.

Подпись:

«Какъ за рѣчькою,
Какъ за быстрою,
Въ темномъ во бору.
Брала дѣвица,
Брала красная,
Рыжики грибы»...
и пр.

№ 11. Изд. в мет. В. Зернова. Москва. 1854.

25,8 (с подписью 32,8)×28,2 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Деревенская улица. Вдали — две мельницы и луг, где происходит уборка сена. В центре — три пары крестьян — мужчин и женщин, дерущихся между собой. На переднем плане, украшенном большим цветком, возле дерева — нарядная девушка с деревянными ведрами в руках. За ней идут типично одетые молодые деревенские ухаживатели. Манера мастера придает оттиску большое сходство с гравюрой.

Подпись:

«Во всей деревни Катинька
Красавицей слыла»...
и пр.

№ 12. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

27,1 × 28,4 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Городская площадь. Церковь, невдалеке от которой извозчик с экипажем — дрожками старого типа. По обеим сторонам лубка деревья. В центре — хоровод из пестро одетых девушек. Справа — крестьянин, гуляющий с женой, слева — барин во фраке, под руку с нарядной дамой. Сзади бар — лакей в треуголке, мундире и с пледом на согнутой правой руке.

Подпись:

«Унасъ было на улицѣ,
Унасъ было на широкой!
...Красны дѣвки разыгрались.
Молодушки расплясались»...
и пр.

№ 13. Изд. А. Беляпкина. Москва. 1849.

16,4 × 26 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Внутренность крестьянской избы в ночное время. С правой стороны — окно, возле которого постель с лежащей на ней, облокотившейся на локоть женщиной. Возле скамья с дремлющим котом. Над постелью два портрета — военного и дамы; висящие на гвоздях «телогрея», сарафан и платок; полка со свернутой тканью, укладкой, флаконами и т. п. Под постелью виден сундук с железной скобой-ручкой. С левой стороны, несколько поодаль, — угол другой постели, на которой спят две женщины. Ближе к первому плану — скамья с донцем, гребнем для льна и с корзиной, наполненной навитыми веретенами и клубками пряжи. В центре — высокий «светец» на крестообразном деревянном основании, с горящей в нем лучиной, и фигура молодого крестьянина, приближающегося к женщине. Волосы его «пробраны» на две стороны, концы их лихо закручены. На нем отороченная мехом и опоясанная кушаком шуба, шейный, повязанный бантом платок и сапоги «с отворотами». Под правым локтем он держит меховую шапку, в руке перчатки. Левая рука протянута к лежащей.

Подпись:

«Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, неясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешъ?»...
и пр.

№ 14. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют. Встречались такие же листы, изданные в типо-лит. И. Е. Ермакова. Москва. 1894.

24 × 35,5 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Улица в деревне. Возле ближнего дома, на центральном плане,— девушка, открывающая ворота. К дому в тарантасе подъехал ямщик. Он сошел с облучка и, держа в опущенной правой руке перчатку, приподнимая левою высокую, обвитую лентами шляпу, идет к воротам.

Изображение на лубке верстового столба создает впечатление «прогонного тракта».

Подпись:

«Ты настасья, ты настасья,
Отворяйка ворота»...
и пр.

№ 15. Изд. в лит. Е. Яковлева. Москва. 1868.

24,7 × 38,1 *см.*

Экземпляр раскрашен подмосковными кустарями района села Никольского.

Гулянье крестьянской молодежи в «семик» возле украшенного лентами дерева. Группа из одиннадцати фигур. На девушках сарафаны, передники, «опояски» и шитые московского типа кокошники с бусами. На мужчинах рубахи «на выпуск», кафтаны, широкие порты, сапоги и высокие поярковые шляпы. Слева — парень, играющий на гармонике. Тулья его шляпы украшена венком из цветов. Справа — шатер из материи, в котором девушка, сидящая возле покрытого скатертью стола, занята плетением венков. В центре, на переднем плане, — один из участников гулянья снял шляпу, и две девушки пытаются надеть ему на голову венки.

Подпись:

«Ай во полѣ! ай во полѣ!
Ай во полѣ липанька!
Подъ липою, подъ липою
Подъ липою бѣлъ шатеръ»...
и пр.

№ 16. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

24,9 × 36,2 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Возле холмистой местности, через которую протекает ручей, несколько крестьянских строений. Четыре коровы подходят к загону двора. В центре — три фигуры крестьянок; две из них держат в опущенных руках корзины. Сзади них мальчик. Слева — на лошадях три всадника в городских костюмах и в высоких широкополых шляпах. Первый из них подъехал к одной из крестьянок. Здесь же две бегущие собачки.

Иллюстрация связанной с бытовой историей подмосковной вотчины «Останкино» популярной народной песни: «Вечер поздно из лесочку я коров домой гнала»...

Подпись.

№ 17. Изд. в мет. В. Зернова. Москва. 1866.

24 × 35,4 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

На фоне ровно подстриженных деревьев, прудов с островами и затейливого здания с флагом на шпиле — видимо, помещичьих владений — группа крестьян: мужчин и женщин, поющих и пляшущих под балалайку и рожок владимирского типа. На первом плане слева, сидя на деревянной скамье близ украшенной резьбой избы, беседуют женщина и грустно опустившая вниз голову девушка. Манера мастера приближает лубок к типу гравюры.

Подпись:

«Нешей ты мнѣ, Матушка красный сарафанъ.
не входи радимая, по пусту въ изъ янъ»...
и пр.

№ 18. Изд. в мет. А. Лаврентьевой. Москва. 1857.
23,8×38,7 *см.*
Экземпляр не раскрашен.

Наружный вид депо железной дороги с выходящим из него примитивного вида поездом. Два машиниста находятся на открытом паровозе. На первой прицепной площадке находятся одиннадцать пассажиров, далее следуют вагоны, имеющие сходство с домами на колесах. По другому пути проходит встречный поезд. К депо на одноконных телегах подвозят тюки с товарами. На заднем плане — вид окраин старой Москвы. С правой стороны — крупные фигуры крестьян и городских жителей, рассуждающих друг с другом.

Подпись:

«Близь Красныхъ воротъ,
Что на лѣво поворотъ,
Мѣсто чудо просвѣтилось;
Тамъ диковинка явилась»...
и пр.

№ 19. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.
22×29 *см.*
Экземпляр не раскрашен.

На лужайке, при выезде из селения, возле хвойной поросли две фигуры крестьян: парня и девушки. Первый играет на самодельной флейте, вторая танцует. Слева — лошадь, запряженная в телегу. Костюмы фигур — обычные для народного лубка.

Подпись:

«Въ Селѣ маломъ Ванька жилъ,
Ванька Таньку полюбилъ»...
и пр.

№ 20. Изд. в лит. Г. Чуксина. Москва. 1853.
16,4×25,8 *см.*
Экземпляр не раскрашен.

На заднем плане — деревня с гуляющими по улице четырьмя девушками и опирающейся на палку старухой. В центре — две фигуры щеголеватых крестьянских парней, одетых в обычные для лубка народные костюмы. Они указывают на девушек. В руках одного из изображенных миниатюрная балалайка. От деревни щеголей отделяет река, через которую перекинут мост с резными перилами.

Подпись:

«Деревня отъ деревни
Не подалеку стоитъ
Промежду эти деревень
Рѣчка Вологда бѣжитъ»...
и пр.

№ 21. Изд. в мет. В. Шарапова. Москва. 1850.
22,2×33 *см.*
Экземпляр раскрашен мстерскими кустарями.

В лесу, по снежной гористой дороге мчится запряженная в кибитку тройка лошадей. Ее преследует стая нападающих волков. В глубине кибитки женщина и военный. Последний выстрелил из пистолета и убил одного из волков. Ямщик усиленно подгоняет лошадей.

Одна из очень распространенных тем лубка. Встречается в многочисленных печатных и живописных вариантах.

Подпись:

«Лихой ямщикъ на тройкѣ мчался
Въ степи пространной, снѣговой»...
и пр.

№ 22. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

26,3×39,6 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Встречались экземпляры грубой раскраски подмосковных кустарей района села Никольского, изд. в типо-лит. И. Е. Ермакова. Москва. 1894.

Слева — две крестьянских избы, справа — несколько деревьев и женщина, ведущая коня. На первом плане, в центре, — пляшущая пара, справа — крестьянская девушка, стоящая под руку с парнем; слева — такая же пара наблюдающих пляску и сидящий на деревянной скамье бородатый крестьянин. Последний, сдвинув на левый бок высокую поярковую шляпу, играет на балалайке.

Подпись:

«Волузяхъ, волузяхъ
Волузяхъ, зеленыхъ лузяхъ!
Выросла выросла
Выростала трава шелковая»...
и пр.

№ 23. Изд. в мет. П. Н. Шарапова. Москва. 1858.

36,4×30 *см* (с текстом в рамке).

Экземпляр не раскрашен.

В верхнем левом разделе лубка изображен пашущий крестьянин. Как бы что-то соображая, он одной рукой касается лба. Вдали также пахарь, присевший на бревно и принимающий обед из рук женщины. В правом верхнем разделе — крестьянин, держа в руке ветку дерева, объясняется с полной, нарядной женщиной. За спиной крестьянина — лошадь, возле женщины — петух, курица и прислоненное к столбу навеса колесо. В нижнем разделе крестьянин, сняв высокую шляпу, кланяется в пояс той же женщине.

Подпись:

«Мужикъ пашенку пахалъ
Самъ на солнышко глядѣлъ.
Какъ другимъ-то мужьямъ жены
Ужъ и завтрекать несутъ»...
и пр.

№ 24. Изд. в мет. Логинова. Москва. 1858.

20×34 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Мощеная камнями улица с низким забором и верстовым столбом. На первом плане — две фигуры: полной, одетой по-мещански женщины, несущей на правом плече коромысло с ведрами, и мужчины в крестьянской рубашке «на выпуск», в короткополом, подпоясанном кушаком кафтане. В левом ухе его серьга — знак старшинства в семье. Правой рукой он приподнимает высокую поярковую шляпу, украшенную крупным цветком. Изображения носят характер шаржа.

Подпись:

«Поулицѣ мостовой
Вдоль дорожки столбовой
Шла красотка заводой»...
и пр.

ЛУБКИ, РИСУЮЩИЕ БЫТ КРЕСТЬЯНИНА И СЛУЖАЩЕГО И ОТРАЖАЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Песенный лубок, иллюстрируя деревенскую поэзию, иллюстрирует одновременно и быт. Разграничить лубок этого раздела от лубка специально бытового почти невозможно.

Исследуя по лубку бытовые черты, мы невольно знакомимся с песней; изучая последнюю, мы наталкиваемся на подробности социальной обстановки. Справедливее поэтому внести в новый раздел лишь то, что несколько ярче и нагляднее подчеркивает особенности среды. А особенностей этих не мало, они выступают и в изображениях игровой забавы и полевой работы, и в каламбуре, и в анекдотической выдумке, и даже в сюжете семейной ссоры. Если иногда те или иные штрихи лубок доносит до нас в не вполне серьезной форме, придавая им оттенок карикатурности, то это не может умалять его значения. За шуточным изображением в нем всегда скрывается правдивая сущность. Насмехаясь над городским служащим, он вместе с тем рисует нам его тяжелую долю; изображая пахаря, бранящего свою жену за поздний принос еды, он подчеркивает ведущую роль женщины в быту крестьянина и пр. Изображая деревенскую улицу, художник не забудет порой таких мелочей, как игра «в бабки» или «козны»; в избе он напомнит деталями о ее внутреннем хозяйственном распорядке; в производственном процессе сохранит приемы пряхи, пахаря, плотника и т. п.

Классовая сущность фольклора воспринимается через анализ обрядовой стороны народной жизни, а также через изучение песенных текстов, присказок, говорков и всякого рода поэтических образцов. Ту же классовую сущность развертывает перед нами и лубок. Он выбирает своими темами долю бедняка, кулацкую алчность, сильного и слабого, сословное неравенство, сытость и голод, труд и тунеядство, разбираясь в них самостоятельно и увлекая на этот путь других.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 25. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

23×33,5 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Встречались экземпляры, грубо раскрашенные подмосковными кустарями района села Никольского, изд. лит. П. А. Глушкова. Москва. 1878.

Лубок на тему стихотворения поэта Кольцова «Что ты спишь, мужичок...».

Налево разрез покосившейся избы. Внутри, на печи спит крестьянин; в дверях, взяв метлу, ходит домовой. В центре, в боковое окно избы высунулась вторая, схожая со спящим,

мужская фигура. Справа — разрез второго дома, где, стоя возле накрытого стола, угощаются три крестьянина. На переднем плане — крестьянин везет на санях поклажу. За зданиями — две свободно бегающих лошади.

Подпись: текст стихотворения.

№ 26. Изд. в мет. А. Лаврентьевой. Москва. 1856.

21,8×32,4 *см.*

Экземпляр носит следы выцветшей раскраски.

На фоне деревенских строений и холмистой местности пахарь с сохой. Сзади его — бегущая собака. На втором плане, слева, — женщина, несущая кувшин и пироги. Ярко светит солнце.

Встречались однородные лубки изд. А. Абрамова. Москва. 1876.

Подпись:

«Мужикъ пашенку пахалъ,
Самъ на солнышко взиралъ»...
и пр.

№ 27. Изд. П. Н. Шарапова. Москва. 1848.

24×22,9 *см.*

Экземпляр раскрашен мстерскими кустарями.

Среди деревенской улицы — идущие на полевые работы мужчина и женщина. Мужчина — в зипуне, в высокой шляпе и в полосатых портах «на выпуск»; на ногах его лапти, на плече коса. Женщина — в нарядном сарафане, в переднике и в украшенном лентами кокошнике. Белые чулки и туфли дополняют наряд, мало похожий на рабочий. В левой руке она держит грабли.

Подпись:

«Я пойду, пойду касить
Во зеленый лугъ!»...
и пр.

№ 28. Изд. Дациаро. Москва, СПБ (года нет). Художник Белоусов.

22,3×18 *см.*

Одноцветный экземпляр, печатанный с камня.

Крестьянин и крестьянка, одетые в обычные летние костюмы.

Подпись:

«Paysans des environs de Moscou».
(Подмосковные крестьяне).

№ 29. Изд., манера печатания и пр., одинаковые с предыдущим листом. Художник Белоусов. 1843.

22,3×18 *см.*

На фоне деревенского строения — одетые в зимние костюмы фигуры украинских крестьян — мужчины и девушки.

Подпись:

«Крестьяне в зимнее время».
«Paysans en hiver».
«Costumes de la petite Russie».

№ 30. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.
24,1 × 38,1 *см.*
Экземпляр не раскрашен.

Картинка из двух частей:

1. Деревенская окраина. Служащий городского трактира возвращается пешком домой. Возле верстового столба его встречают отец, мать, мальчик и девочка. «Трактирщик» в худых кафтане и брюках, в опорках на босую ногу, с пустым мешком, перекинутым на палке через плечо, раскланивается с родными.

2. В избе родителей прилично одетый трактирщик дает объяснение о своем поведении. Отец сидит на лавке, бросил плести лапти и грозит сыну кнутом; рядом, возле гребня и донца, мать за прядением. Близ фигуры вернувшегося — дети.

Подпись:
«Возвращенiе на родину изъ Питера промотавшагося трактирщика

Я съ хозяиномъ расчелся,
ни чево мнѣ не пришлось!»...
и пр.

№ 31. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.
20 × 32,7 *см.*
Экземпляр не раскрашен.

Внутренность крестьянской избы. Прямо — зеркало, наклеенная на стенку картинка и окно. Слева — печь и полка с посудой. Справа — висячий рукомойник и полотенце. Рядом с печью — скамья, на которой нарядная женщина прядет с гребня. У рукомойника, на другой скамье,— плетущий лапти крестьянин и на полу дерущий лыко мальчик. На полу в разных местах: кролики, грызущие зелень, курица с цыплятами, лежащая кошка и играющий с клубком котенок.

Подпись:
«Пряди моя пряха,
Пряди не лѣнися»...
и пр.

№ 32. Изд. А. Абрамова. Москва. 1857.
20,8 × 36,3 *см.*
Экземпляр не раскрашен.

Комната богатой крестьянской избы, оклеенная обоями разного рисунка: на центральной стене — с цветочным орнаментом [1], на правой — в крупную клетку. Между окон — украшенное полотенцем зеркало с резным верхом. На скамье, вдоль стены, три мужских и три женских фигуры. Справа, за празднично накрытым столом — пьющий вино крестьянин, старик с поднятыми вверх руками и стаканом в одной из них, пожилая нарядная женщина, видимо, сваха, и стоящая пара новобрачных. Слева, у входной двери — также чета входящих молодых крестьян. На первом плане — два рассуждающих между собой старика. Все одеты в нарядные костюмы.

---

[1] В типе образцов обоев, приводимых ниже в альбоме.

Встречались экземпляры, раскрашенные мстерскими кустарями.

Подпись:

«Русская свадьба
Государь ты нашъ Батюшка.
Свѣтъ Андрей Прохоровичь»...
и пр.

№ 33. Изд. в мет. Ивана Мартианова. Москва. 1855.
20,5×28,4 *см.*
Экземпляр не раскрашен.

Окаймленная хвойной порослью поляна. Справа вдали — две крестьянских избы с дворами; на первом плане — группа из семи, взявшихся за руки, крестьянских девушек. Одна из них, стоящая посередине, приподняла руки и как бы танцует. Слева — сидящий под деревом, играющий на рожке пастух. У ног его собака, вблизи стадо. Все женские фигуры и мужская одеты нарядно: первые — в обычном стиле лубка, вторая — в широкий кафтан и сапоги «с отгибами», на которые в знак щегольства выпущены петли для надевания.

Подпись:

«Не будите молоду
Ранымъ рано поутру;
Разбудите молоду
Когда солнышко взойдетъ»...
и пр.

ГОРОДСКОЙ РОМАНС И ОБЫВАТЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ В НАРОДНОМ ЛУБКЕ

Обывательский вульгарный романс, куплет и упадочническая поэзия нашли свое отражение в русском народном лубке. Отзвуки городской лирики в печатном рисунке, отвечая вкусам основного потребителя-мещанина, проникали в подлинную народную среду, воспитывая и переделывая ее вкусы.

В прекрасную самобытную фольклорную песню деревни периодически врывались чуждые ей по духу элементы. За ними шел лубок, угодливо выпускавшийся рядом провинциальных поставщиков этой продукции, подмечавших всякий рыночный спрос и моду. Поэтому во многих случаях изобразительная листовка была как бы популяризатором той или иной городской темы. Но случалось, несомненно, и так, что романс и городская песня возникали вслед за изображением. Вообще трудно с точностью сказать, был ли народный лубок отражением упадочнического творчества или вдохновителем его. Так или иначе, но в глухих поволжских деревнях, на стенах крестьянской избы я видел на почетном месте картинки на темы: «Под вечер осенью ненастной»..., «Чем тебя я огорчила...» и «С нежной верности обетом...».

Романс и песня, в слове и рисунке, были во всяком случае одним из первых путей, связавших культуру городского мещанства с чистой, самобытной поэзией народа.

Одна из излюбленных тем лубка этого раздела «прощание с предметом своей страсти отправляющегося в поход военного».

ОПИСАНИЕ ЛИСТА

№ 34. Изд. в мет. А. Морозова. Москва. 1857.

24,2 $\times$ 36,8 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Один из вариантов темы. Вид на горы, у подножия которых мчится разделенная на три группы конница. На первом плане справа—крыльцо дома с окном, украшенным скульп-

турой, изображающей цветочную гирлянду. Поднявшись на ступени, офицер, держа в поводу оседланного коня, прощается с плачущей женщиной. Левые руки обеих фигур соединены. Костюм женщины — городского типа, состоящий из колоколообразной юбки и жакета.

Подпись:

«Ты неплачь, негорюй,
Моя миленькая!»...
и пр.

ЛУБКИ, ОТРАЖАЮЩИЕ БУРЖУАЗНО-МЕЩАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА БЫТ НАРОДНОСТЕЙ

Из лубков песенного типа можно выделить еще на особое место изображения, условно отражающие быт отдельных народностей. Мы встречаем их на положении иллюстрации, в обязательном соседстве с ходовым романсом куплетного типа, припевкой, анекдотом. В лубках этих чаще всего отражен, конечно, городской быт с его отрицательным налетом на подлинно природную культуру каждой народности, основу фольклорного изучения.

Главным героем подобного лубка явился профессиональный увеселитель старого времени — цыган, певец, плясун и попутчик ресторанного разгула.

После цыган, по трудно объяснимой причине, были в ходу красочно и пестро одетые (вероятно, как лихие исполнители гопака) украинцы. Их не связывали с опошленным романсом, но непременно соединяли с национальным песенным текстом. Изредка встречались, впрочем, и лубки, большею частью литографированные, посвященные только бытовым эпизодам. И те и другие типичны для раздела, характеризующего односторонний шаблонный взгляд на быт народностей.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 35. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

21,9×32,7 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Возле украинской мазанки и нескольких деревьев пляшут одетые в военного типа костюмы два казака. С ними две девушки, из которых одна бьет в бубен. Справа, в открытом окне хаты, — фигура парубка; возле два музыканта: казак, играющий на рожке, и еврей — на цимбалах. Тут же лающая собака. Слева, на последнем плане, четверо мужчин и одна женщина наблюдают пляску. В очертаниях дерева, трав и бугров чувствуется несомненное заимствование от стиля поморских изображений XVIII века. В этом отношении приводимая картинка носит следы большого сходства с изображением на тему «Трудолюбивый медведь» (стр. 115, № 61). По ряду признаков можно предполагать, что обе картинки исполнены рукой одного мастера.

Оттиски, имевшие большое распространение.

Встречались грубо раскрашенные неизвестными мастерами.

Подпись:

«Казацкій праздникъ
Сиде голубь на тычинкѣ, голубка на вышна»...
и пр.

№ 36. Изд. А. Кузнецова. Москва. 1855.

22×31 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

На окруженной редкими деревьями поляне остановилась крытая кибитка, в которой видны две фигуры. Возле — отпряженная лошадь и на земле сидящие у костра цыган и цыганка. Слева, на первом плане,— двое пляшущих мужчин и женщина. Последняя бьет в бубен, а ее партнеры играют на подобии украинской бандуры и кастаньетах.

Подпись:

«Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ
Но съ щастливей веселѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ»...
и пр.

ЧИНОВНИЧЕСТВО И ПРИМИТИВНАЯ САТИРА НА ГОРОДСКИЕ ПРОФЕССИИ, А ТАКЖЕ НА КУЛАКА, КУПЦА, РОСТОВЩИКА И Т. П.

Русский народ с древнейшей поры представлял себе чиновника, в силу реально бытовых фактов, жестоким вершителем закона, любителем «телесных наказаний», непременным «мздоимцем» — взяточником, трусом, пьяницей и обкрадывателем государственной казны. Достаточно просмотреть такие лубки XVIII века, как «Шемякин суд», «Подъячий и смерть» и т. п., чтобы убедиться в точности этой характеристики.

Немудрено, если позднейший народный лубок в свою очередь, следуя традициям XVIII века, отразил в себе отрицательно-характерные черты чиновничества и наглядно иллюстрировал мнение о чиновниках той среды, того класса трудового населения, среди которого имел основное распространение.

Городские профессии учителей, лекарей, дантистов, цирульников и т. п. также давали в старину содержание рассказам, прикрашенным фантазией досужих остряков.

При скудости общественных интересов темы эти могли долго казаться занимательными.

Народный лубок, начиная с 50-х годов, также проникался анекдотическими настроениями. Карикатурные изображения городских профессий мы встречаем в ряде довольно разнообразных оттисков.

Не миновали лубка и многоликая вереница старого российского купечества, ростовщики, кулаки, подрядчики и т. п.

Вся эта галлерея отживших свой век типов составляет существенную часть настоящего раздела.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 37. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

29×25,8 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Комната с окном. Возле окна два стула, один из которых опрокинут на пол. Тут же упавшая шляпа-цилиндр. На стенах зеркало и два листа бумаги с надписями:

«Благодарность. Зубному врачу Зуборванову за легчайшій способъ, за выдергиваніе; здоровыхъ зубовъ» и «Зубной парашокъ и Эликсиръ; для вернѣйшаго и самоскорѣйшаго выпаденія зубовъ».

Слева — стол, на котором флакон с рецептом, кружка и аптекарская ванна. Лекарь, во фраке и узких брюках со штрипками, выдергивает с ожесточением «козьей ножкой» или крючком зуб мужчине, опрокинутому на спину мускулистого служащего.

Подпись:

«Господинъ: Батюшки, отцы родные, помилосердуйте! втрое заплачу! только пустите!»...

и пр.

№ 38. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

24,3×37,4 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Богача, лежащего на постели, окружили семь чертей с их «начальником», отличающимся от всех размерами и когтями на крыльях. Первый из чертей поднял вверх и придерживает руки богача, второй давит ему на грудь громадным долотом, третий держит воронку, четвертый железным ковшом льет ему в живот расплавленный металл, пятый в иглу гигантских размеров вдевает канат, шестой высыпает в котел, вмазанный в кирпичную кладку, мешок с золотом и седьмой кузнечными мехами раздувает под ним пламя. Начальствующий чорт стоит в изголовье и распоряжается всем происходящим. В комнате открытый шкаф с массивной вазой, окованный железом сундук и четыре туго наполненных мешка.

Подпись: «Сонъ богача.

Жилъ былъ купецъ скупяга»...

и пр.

№ 39. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

19,8×34,3 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Комната с решетчатыми окнами, в которой происходят две сцены из жизни скряги.

Справа чорт открыл окованный сундук, наполненный золотыми монетами, на крышке которого неразборчивая надпись: «нежадничие а... какъ на... что некуда ужъ класс». Чорт указывает на золото. Рядом на скамье скряга, тянущийся к содержимому сундука. В левой руке у него мошна, у ноги — вторая, из которой сыпятся сокровища. Открытый замок лежит на полу. В центре обмотанный тканью чорт убегает. Слева на окованном сундуке лежит мертвый скряга, зажав в руках ключ и замок. Возле него также чорт. На полу горящая свеча и туго набитая мошна.

Подпись: текст басни Крылова.

№ 40. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

20,2×34 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Изображение разделено на две части. Слева коммерсант, сидя за столом, делает выкладки на счетах, возле него жена и двое детей. Шкаф с книгами, стенные часы с гирями и окно. На столе письменный прибор и тетрадь с надписью «журналъ». Справа внутренность магазина с надписью «продажа шелковыхъ мате...» Полки магазина почти пусты. Четыре щеголеватых приказчика расхищают товары.

Помимо приведенного встречались тождественные экземпляры, раскрашенные подмосковными кустарями района села Никольского и изд. в лит. П. А. Глушкова. Москва. 1876.

Подпись:

«Хозяивы горюютъ а прекащички перуютъ»...

и пр.

№ 41. Изд. П. Н. Шарапова. Москва. 1858.
28,9 (с подписью 37,6)×31,4 *см.*
Экземпляр не раскрашен.

Изображение дома, из трубы которого вылетело три типичных, весело настроенных купца. Первый, вежливо, раскланиваясь с кредиторами, держит левой рукой бутылку шампанского. Над ним надпись: «Вина я много пилъ, за то въ трубу и укатилъ». Второй тащит за волосы женщину. Надпись: «Анютачка меня подъ дѣла, и Капиталецъ Весь мой съѣла», а третий—колоду карт. Надпись: «Я сильно Карты полюбилъ. Что Было, все нанихъ спустилъ». Внизу — растерянный кредитор в клетчатых со штрипками брюках, во фраке и в шляпе заграничного фасона, рядом с ним — лукаво смеющийся, взмахнувший руками крестьянин.

Подпись:

«Воздушное Путешествiе.
Вотъ какъ въ трубу вылетаютъ, Кридиторовъ удивляютъ»...
и пр.

№ 42. Изд. в мет. Логинова. Москва. 1858.
22,8×26,1 *см.*
Экземпляр не раскрашен.

Комната купеческого дома. На заднем плане, на стене над диваном, — два портрета, мужской и женский. Слева — фортепиано и настенная керосиновая лампа. Возле фортепиано сбоку помещен сидящий, щеголевато одетый, дирижирующий учитель пения. За инструментом поет купеческая дочь. Справа — стол, за ним два пьющих из стаканов купца. Ближний, подняв руки, танцует, сидя на стуле.

Подпись:

«Учитель пѣнiя»...
и пр.

№ 43. Анонимный оттиск XVIII века (воспр. Ровинским).
26,4 (с подписью 35,2)×27,9 *см.*
Экземпляр раскрашен мстерскими кустарями.

Изображение анекдотической выдумки о «подъячем и смерти». В фантастически отделанной комнате с арками, за столом с письменными принадлежностями и бутылкой вина сидит мужская фигура в кафтане, чулках и туфлях. Перед ней смерть с косой.

Подпись:

«Пословица змея хотя и умираетъ азелья все хватаетъ»...
и пр.

№ 44. Изд. в мет. П. Н. Шарапова. Москва. 1858.
13,2 (с частью подписи 14,5)×41,2 *см.*
Экземпляр раскрашен мстерскими кустарями.

В верхней части лубка изображены следующие три эпизода: а) слева — деревенский кулак, которому, сняв шляпы, кланяются два встречных крестьянина; подпись: «Ипата уважаютъ. Заденьги почитаютъ»; б) в центре — деревенский кулак, притворяясь бедняком,

сам кланяется двоим, не отвечающим на поклон крестьянам; подпись: «Ипатъ нахитрость пустился Беднымъ притворился»; в) справа — кулак стоит с туго набитой мошной, ему кланяется крестьянин; подпись: «Ипатъ накошель съ золотомъ указалъ Ему кланятся приказалъ».

Общая подпись:

«Сказка пробогатаго Ипата; какъ онъ узналъ, кого лютъ чесной увожалъ»...
и пр.

Внизу мелкая неразборчивая подпись:

«Умъ Другій только лишь въ каретѣ,
(Бо)гачь уменъ всегда насвѣтѣ;
...(во)всѣ нежеветъ
Авсежъ заумнаго слыветъ
Апѣшеходъ ученый умный
На этимъ свѣтѣ полоумный».

ЛУБКИ, ОТРАЖАЮЩИЕ МЕЩАНСКИЙ БЫТ И ВКУС

Мещанский вкус — это вкус привязанного к собственности, уюту, обстановке и обывательским привычкам мелкого горожанина, врага всего индивидуально ценного. Мещанское миросозерцание — одно из отживших свой век наследий прошлого. С понятием о нем неизбежно связывается представление об условном, отсталом и будничном понимании красоты и существа жизни. Мещанин — синоним вульгарности, пошлости. В искусстве он ценит только то, что отражает его психологические настроения, является составным элементом его убеждений.

Издатели лубочных изображений или картин, могущих радовать глаз и сердце мещанина, прекрасно учитывали запросы и интересы своего потребителя. Поэтому в изобразительных произведениях мы ближе всего чувствуем натуру мещанина, яснее и нагляднее проникаем в его сущность. Иностранцы, без оснований считавшие население старой России отсталым в культурном и нравственном отношении, в свою очередь, подходя по-деловому, снабжали нас дешевыми товарами своей фабрикации. В области лубка и литографии не мало мещанской продукции доставлено к нам из-за границы. Таковы: «образцы мужской и женской красоты», экзотически-сентиментальные сюжеты и пр. Мещанин обязательно был набожен и мистичен. Он верил во все, что преподносила ему авторитетная в его глазах бульварно-базарная печать, он следовал тем представлениям о совершенстве, которые рисовала для него рука мало одаренного или продававшего свои способности художника. Его вкус развивали на пошлом отображении его собственной фантазии. Отсюда — выпуски «оракулов-чародеев», «таблиц царя Соломона», семейных, любовно-анекдотических или сентиментальных картинок, иллюстраций к домашним играм и т. п. Это «музей дурного вкуса и воспитания», показывающий, чего должен избегать каждый, вступивший на путь освоения истинного, острого интереса к новой строящейся жизни.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 45. Изд. Marotte. Париж (года нет).

27×23,3 *см.*

Одноцветный экземпляр, печатанный с камня.

Идеал женской красоты. Картинка, служившая для украшения стен старых ателье мод, цирулен и парикмахерских.

Подпись:

«Claire. Clara».

№ 46. Изд. Miné. Париж (года нет).
27×22 *см.*
Одноцветный экземпляр, печатанный с камня.
Идеал мужской красоты. Картинка, служившая для той же цели, что и предыдущая.
Подпись:

«Jules. Julio».

№ 47. Изд. в лит. Е. Яковлева. Москва. 1868.
39,2×31 *см.*
Экземпляр раскрашен подмосковными кустарями района села Никольского.
Таблица карточного оракула.
Надпись:

«Новѣишiй карточный оракулъ».

№ 48. Изд. в тип. П. В. Бельцева. Москва (года нет).
25×18 *см.*
Экземпляр не раскрашен.
Вариант гадательной таблицы «Царя Соломона».
Надпись:

«Гадательная книжка царя Соломона».

№ 49. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.
28,6×35,8 *см.*
Экземпляр не раскрашен.
Лубок для тира.
Подпись:

«Охота на Слонѣ за Тигромъ».

ПРИМИТИВНЫЙ РИСУНОК НА БЫТОВЫХ ОБОЯХ

Собраний образцов старых дешевых обоев у нас не существует, между тем, знакомясь с их разновидностями, нельзя не притти к выводу, что и они, представляя значительный художественный интерес, являются отраслью народной лубочной картинки. Мне приходилось, объезжая в 1906—1907 годах провинциальные уездные города, села и деревни б. Нижегородской губернии, наталкиваться на пестрые экземпляры этого вида печатной продукции, но желание получить их хотя бы в незначительных отрывах и обрезах каждый раз наталкивалось на непреодолимые препятствия, в виду невозможности портить стены комнат сдиранием с них прочно наклеенной бумаги. Уездные же магазины и базарные лавки, куда я обращался во время розысков, переходили уже в этот период на торговлю новыми, более усовершенствованными и «облагороженными» типами обоев, гнушались старого образца и не сохраняли его остатков. Поэтому коллекция моя в этой отрасли весьма ограничена и не претендует на полноценный перечень примеров.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 50. Образец обоев. Даты и сведения о выпуске отсутствуют.
63×48 *см.*

По голубому фону изображения: а) в верхнем ярусе — гуляющие на деревенской улице четыре украинца, из которых один играет на скрипке, и б) в нижнем — проезжая дорога с всадником, автомобилист, две нарядные, одетые по городской моде 90-х годов щеголихи, художник, сидящий под деревом за мольбертом, с кистями и палитрой в руках, мчащийся велосипедист, воздушный шар в облаках и пейзаж, на котором видны озеро,

гребцы в лодке, казенного типа здания с флагами на шпилях и провинциального типа жилые строения. Мысль мастера — показать соответствовавшие эпохе технические достижения.

№ 51. Образец того же рода, что и предыдущий.
65×47 *см.*
Птицы и цветы зеленые с синим по желтому фону.

№ 52. Образец того же рода, что и предыдущий.
60×48 *см.*
Фантастические птицы, бабочки и цветы по желтому фону.

ЛУБОЧНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ, ВЫСМЕИВАЮЩИЕ МОДЫ

Всякая мода, всякое новшество приходили к нам от иноземцев с Запада. Запад в представлении русского народа был непонятным, загадочным и заразным источником, от которого являлось все, что шло в разрез с старым, дедовским, исконным обычаем и с религиозной традицией. Когда Петр I рядил в немецкие и голландские костюмы высшую знать старого С.-Петербурга, армию, чиновничество и состоятельные классы, простой народ видел в этом «пришествие на землю антихриста», тайно проклинал преобразователя, иронизировал над новшествами и сочинял про них многочисленные анекдотические рассказы. Классовая ненависть к барству и привилегированным служебно-официальным кругам, которые были отделены от массы чуждыми ей особенностями, роскошью и новизной быта, легко переносилась на подробности жизненного уклада и прежде всего на костюм. Припрятанная боязливая и осторожная сатира на бар проглядывает во многих деталях народного искусства. Если мы возьмем старинные кружевные подзоры XVIII и XIX веков, плетенные в б. Московской, С.-Петербургской и Нижегородской губерниях, мы найдем в них, рядом с фантастическим узором, сады, дома, целые процессии и гулянья. Приглядываясь к человеческим фигурам, мы должны будем признать в них карикатуры на тогдашнего времени франтов и франтих. И карикатуры эти получились не от художественно безграмотной руки мастера; в них чувствуется подчиненное определенному художественному представлению мастерство. Их, несомненно, делал способный, подчеркивавший все, по его мнению, смешное художник-примитивист. Донце прялки б. Нижегородской губернии из района г. Балахны имеет мозаично врезанные фигуры едущей в карете барыни, ее слуг, кучера и т. п. Все они прекрасные продуманные шаржи на барский быт и костюм. То же и на расписных деревянных изделиях этой местности — на ткацких станах, на гребнях и пр. А глиняная игрушка б. Вятской губернии с изображением гуляющих под зонтиком дам, едущих на коне кавалеров в цилиндрах и фраках! А пряники с человеческими нарядными фигурами, медные пряжки со старинной сибирской сбруи с щеголями и щеголихами! Все они доносят до нас в народном мастерстве карикатуру на бытовые особенности привилегированного класса — барства.

Таким же насмешливым отношением к внешности горожанина отличается картинный лубок, в котором издатель отразил настроения своего потребителя. И особенно достается в нем женщине — ее широкой юбке, кринолину и турнюру. Характерным примером такого обычного для эпохи шаржа служит приводимое изображение.

ОПИСАНИЕ ЛИСТА

№ 53. Изд. в мет. П. Н. Шарапова. Москва. 1858.
28,2×28,5 *см.*
Экземпляр не раскрашен.

Два гуляющих в парке нарядных «оцилиндренных» купца дивятся на зрелище: ветер, надув кринолин, поднял на воздух модницу, за ногу которой ухватился франт.

Подпись:

«Кринолинъ или средство замѣнить имъ при случаѣ воздушный шаръ»...
и пр.

РАЗГУЛ, КАБАК, ТРАКТИР, БИЛЛИАРДНАЯ И РЕСТОРАЦИЯ В НАРОДНОМ ЛУБКЕ

Удивительно меткую скоморошью характеристику кабака и его роли в быту крестьянина записал я в Москве в 1914 году от старой нищей-мещанки г. Калязина б. Тверской губ. Марфы Степановны Бакалягиной. Говорила она так:

«Целовальник-кабатчик лихим делам повадчик. Ты ему бычка, а он три пятачка, все прочее за ним. Понятие имей — вином да дымом, подождь, отдадим. За шайку — штоф, за рубаху — штоф, за сибирку — штоф, за кошку — штоф, за собаку — штоф, а за жену злую — два сучка, три крючка и пол цыганскова пятачка. Погулял ярмонку веселò, а дома кислò; печа не топлена, скотина не кормлена, ржу сорока склевала, солому галка в гнездо таскала, а круп поскребышки склевали воробушки. Жена из заклада — злая, теща — лютáя, а ты сам — с сухим усам. А люди-то добрые обычай блюдут — вечерять по дворам идут. Соседска жена ряженá, как сатана: троешовник в три хвата, под ним два халата, похóлстник белóй, шугай парчевóй, пушки в ушках, бареты на ногах. А моя баба завидается, как дьявол лаится. Ты не лайся, не бранись, со мной по правде обойдись, а не то иди на постой со двора долой, а я нехорошее дело задумаю, да тебя впутаю».

Мне кажется, что она исчерпывающе правдива для сюжетов народного лубка, связанного с темой о разгуле. И. Г. Прыжов в книге «История кабаков в России в связи с историей русского народа» (изд. «Молодые силы», Казань, 1913) говорит: «Когда жизнь шла еще по-старому, когда народ для того, чтобы «помянуть родителей» или «канун доспети», спокойно выкуривал себе известное количество и варил меды и пьяные браги, вдруг в городе или в селе появлялся царев кабак, поставленный наместником. Запретили курить вино и сказали: чтоб «средним и молодчим людям пива варить и меду ставить отнюдь никому не давать, а вина горячего и лутчим людям курить не давать». Вино велено было покупать в кабаке... Крестьянину таким образом было запрещено все, кроме царева кабака, который крестьяне же должны были ставить на свои деньги».

Кабак, вино, как ясно из приведенного, играли большую роль в жизни русского народа, служили острой темой для бытовых разговоров и заставили издателей народных лубков отнестись с коммерческим вниманием к печатному воспроизведению многогранного сюжета. Для городского же покупателя лубочных изображений появились, как одна из составных частей общей темы, ресторан с его особой, не вполне известной деревенской провинции обстановкой, биллиардная и т. п.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 54. Изд. в мет. А. Г. Кузнецова. Москва. 1858.
25,8 × 36,8 *см*.
Экземпляр не раскрашен.

Зал ресторана. За столом, накрытым двумя скатертями, щеголь с лорнетом в руке. Возле него перекинувший через плечо салфетку официант. У стены, на полу, под картиной — трубки с длинными чубуками. Справа видна буфетная комната, отделенная перегородкой с драпри. В буфетной стойке, на прилавке чайники и таз с водой, сзади шкаф с бутылками, штофами, стопками и бокалами. За прилавком — вытянувшийся по-военному бородатый буфетчик.

Подпись:

«Голь на выдумки хитра»...
и пр.

В характерных типах лубка отразилось, очевидно, влияние «Ревизора» Н. В. Гоголя и его героя Хлестакова.

№ 55. Изд. П. Н. Шарапова. Москва. 1858.

27,4×27,4 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Помещение ресторана. Вдали зал с колоннами, между которыми висит клетка с птицей. На первом плане, возле окна, — стол с посудой и сидящим за ним охмелевшим посетителем. На полу картуз, упавшая салфетка и калоши. Из рук посетителя вывалилась трубка. Перед ним официант, показывающий «выкладку» на счетах. Вдали две мужских фигуры: мальчика-слуги и поясняющего ему происходящее человека в сюртуке.

Надпись:

«Пьянъ да глупъ — больше бьютъ!...»

Подпись:

«Господин: ско-о-лько съ ме-меня? А?...»
и пр.

ЛУБОК, ИЗОБРАЖАЮЩИЙ УЛИЧНЫЕ ТОРГОВЫЕ ТИПЫ

Изображения уличного торгаша считаются редкими, и каждое из них расценивается как достойный внимания бытовой тип. Представление о нашем прошлом тесно связано с рядом фигур, иллюстрирующих и характеризующих его отдельные моменты. Оформители художественных изданий по городскому фольклору тщетно ищут иногда неиспользованных материалов в области примитивного рисунка, передающего типаж. Но его, увы, не много. Приводя лишь единичный экземпляр картинки такого типа — «сбитенщика»,— мы считаем ее все же ценным дополнением к коллекции тех обнародованных до сих пор рисунков, которые воскрешают старых завсегдатаев городской улицы.

ОПИСАНИЕ ЛИСТА

№ 56. Изд. в лит. А. Прокофьева. Москва. 1858.
31,4×29,4 *см.*
Экземпляр не раскрашен.

На фоне городских строений три фигуры: сбитенщика, продавца лубков или «ходебщика» и блинника. Центральная фигура — сбитенщик. Он в зипуне, в украшенном рисунками фартуке, с переносным самоваром в правой руке. Через плечо, возле шейного

номерного знака, висят крендели, на поясе стаканы и полотенце. На спине пьющего сби тень ходебщика, вместе с другим товаром, портрет с надписью: «Мусье Невеста юлия». Блинник, стоящий вдали, держит ручной лоток с «выпечкой».

Надпись:

«Московскiй сбитенщикъ и ходебщикъ».

Подпись:

«Вотъ сбитень горячiй!
Метъ казанскiй,
Сбитенщикъ астраханскiй»...
и пр.

ЛУБКИ, ОТРАЖАЮЩИЕ НЕБЫЛИЦУ, ВЫДУМКУ, АНЕКДОТ ИЛИ ПОУЧИТЕЛЬНУЮ БАСНЮ

Самой популярной, широко распространенной и многократно издававшейся в лубочных картинках следует считать небылицу о том, как «мыши кота погребают». Сатира эта, составленная и выпущенная старообрядцами, отражавшая их недовольство преобразованиями Петра I, пользовалась у народа большим успехом. Перепечатки ее мы встречаем на протяжении ряда лет. Первыми выпусками изображения мы должны признать воспроизведенные Ровинским оттиски XVIII века.

Общий характер всех изображений таков: лежит «кот казанский», крепко привязанный веревками на санях чухонского типа, в которые вместо коней впряглись восемь мышей, тянущих две веревки. За санями идет стая крыс и мышей, среди них музыканты-волынщики, трубачи, барабанщик, скрипач, балалаечник, поставщики к поминальному столу похлебок, пива, пирогов, блинов, оладьев и иной снеди, могильщики, метельщики, просто провожающие, любители сытно поесть и т. п. О происхождении этих картинок приводит обстоятельное объяснение Ровинский. Он говорит: «Вопрос о том, откуда взялась эта картинка в нашем лубочном мире и с какого времени, уже давно занимал наших археологов. Макаров в одной из своих статей («Вестн. Европы», 1821, № 9, стр. 53) говорит, что в чешской хронике Венцеслава Гайка 1553 года в том самом месте, где упоминается о покушении папы обратить Россию в католическую веру, на полях отмечено: «приготовили было такую сатиру, какую лютеране, о погребении кота мышами». На этом основании Макаров полагал, что первообразом русской картинки была сатира в лицах, выпущенная в свет сперва лютеранами, а потом чехами по случаю смерти папы Пия V или Григория XIII, преследовавшего тех и других, и что затем сатира эта перенесена на личность Ивана Грозного. Снегирев, замечая, что такое мнение подтверждается несколько изображением любимого кота Ивана Грозного, которое, по свидетельству г. Чижова, хранится в Дрезденской галлерее, отвергает, однако же, возможность появления подобной картинки в то время, когда книгопечатание и гравирование были еще впервые заведены в России и посвящены единственно религиозным предметам («Лубочн. карт.», М., 1861, стр. 130).

Стасов, просматривавший чешскую хронику Гайка, не нашел в ней приписки, указываемой Макаровым. С своей стороны замечу, что ни в Дрезденском музеуме, ни в других собраниях нет гравюры, изображающей кота царя Ивана Васильевича: в Дрездене, в галлерее, выставлена довольно редкая гравюра работы Hollar'a с подписью: «La vray portrait du chat du grand Duc de Moscovie, 1661», такие же экземпляры ее находятся в Петербургской публичной библиотеке и в моем собрании. Таким образом родословие кота нашего от лютеран и чехов XVI века не подтверждается никакими данными; еще менее представляется данных к производству того же кота из древней Индии... Наша картинка — чисто русское произведение, ни откуда не заимствованное и не имеющее никакого сходства ни с восточными оригиналами, ни с нюрнбергскими похоронами охотника, на которые

указывает Снегирев, ни с другими западными измышлениями; все надписи на ней, все подробности взяты прямо из русского быта — это вполне оригинальное произведение русского народного буффа».

Разбираясь в ряде бесспорных доказательств, приводимых Ровинским в подтверждение того, что изображенный умерший кот не кто иной, как Петр I, мы должны притти к выводу, что описываемая лубочная картинка — первая, смелая и остроумная народная политическая сатира.

В соседстве с политической небылицей стояли еще небылицы: фантастические, карикатурно-бытовые и психологические или нравственно-поучительные. В XIX веке таких экземпляров народного лубка встречалось не мало, и темы его были довольно разнообразны. К сожалению, на лубок этого раздела собиратели не обращали достаточного внимания, и большинство его оттисков следует считать безвозвратно утраченным. Между тем для интересующихся массовой культурой и историей быта он имеет большое актуальное значение. Мы приводим также несколько характерных образцов этого рода.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 57. Изд. в лит. А. Абрамова. Москва. 1876.

22,6 × 36,5 *см.*

Экземпляр раскрашен подмосковными кустарями района села Никольского.

Комната городского мещанского дома. Слева, возле стола, на котором открытая книга и стакан чая, — мягкий диван. На диване молодой мужчина в сюртуке, держащий трубку с длинным чубуком. Около него, в центре, пожилая окутанная шалью, женщина читает роспись приданого. Справа — девушка, одетая в пышное, открытое платье. На стене, около окна, — часы с длинным маятником и гирями на цепях.

Надпись:

«Роспись Приданаго».

Подпись:

«Роспись приданаго молодцу удалому я читать буду слушай женихъ невертись что написано несердись»...

и пр.

Лубок имел широкое повсеместное распространение, текст его до последних лет повторяли наизусть провинциальные анекдотисты-остряки.

№ 58. Анонимный оттиск XVIII века. Даты отсутствуют.

32,5 × 46 *см.*

Оригинал оттиснут на склеенной бумаге («двойник»), раскрашен мстерскими кустарями.

Поляна с редкой растительностью. В центре кот и кошка едут в экипаже типа кабриолета, в который впряжены цугом шесть крупного размера мышей. Одна мышь стоит на запятках, другая, с бичом в лапах, сидит на месте кучера. Позади экипажа справа — башнеобразное, выложенное из камня здание с шпилем и с развевающимся по ветру флагом. Впереди впряженных мышей (слева) — три больших дерева, возле которых также здание, видимо, богатые палаты — с балюстрадой, лестницей, балконом, колоннами, тремя входами и многими окнами, шпилем и флагом. На переднем плане — бугор, покрытый мелкими кустарниками, часть которых разбросана и возле дерева последнего плана. Весь лубок окантован рамой.

Подпись:

«Веселое Гулянье Намышахъ

Вдревніе времена, не упомню вкоторомъ годе нечаенно вздумалъ котъ вкошку влюбился»...

и пр.

№ 59. Анонимный экземпляр. Даты отсутствуют.

26,7×39,6 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Один из вариантов небылицы: «Мыши кота погребают».

Встречались одинаковые экземпляры, изданные в лит. П. А. Глушкова. Москва, 1876, раскрашенные подмосковными кустарями района села Никольского.

Подпись:

«Небылица въ лицахъ.
Небылица въ лицахъ — найдена встарыхъ светлицахъ завернута въ черныхъ трепицахъ»...
и пр.

№ 60. Изд. П. Н. Шарапова. Москва. 1862.

25,3×40,9 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Одетые в человеческие костюмы, танцующие, поющие, пьющие вино и играющие на музыкальных инструментах медведи.

Подпись:

«Свадьба медведя Мишки косолапаго.
Разъ косолапый мишка разкутился
На машки косорылой женился»...
и пр.

№ 61. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

29,5×29 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Иллюстрация к басне Крылова «Трудолюбивый медведь».

Лесная просека. Слева — крестьянин, несущий дуги, справа — медведь, ломающий дерево.

В художественной манере лубка (растительность, бугры, борозды) сильно отражено влияние стиля религиозных поморских изображений XVIII века.

Подпись: текст басни с искажениями.

№ 62. Изд. в мет. А. Морозова. Москва. 1858.

19,9×35,6 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Пещера. Вдали — пять крылатых чертей. Слева — полуобнаженный высунувший язык мужчина; перед ним — нападающая на него большая змея. Справа — изрыгаемое громадной пастью пламя, в средине которого сатана в короне и с трезубцем.

Надпись:

«Клеветникъ и змѣя».

Подпись: текст басни Крылова с некоторыми искажениями.

№ 63. Анонимный экземпляр. Даты отсутствуют. Встречались однородные экземпляры, изд. в типо-лит. И. Е. Ермакова. Москва. 1894.

23,5×36 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Деревенская окраина. На первом плане — жена везет в санях стегающего ее плетью мужа. Слева — купец и его жена обмениваются мнениями о происходящем; крестьянин

рубит дрова, беседуя с женой. На втором плане, справа, под деревом, — пляшущая под рожок играющей «бездельницы» коза, в середине — крестьянин, ведущий на поводу лошадь и корову, а слева, на крыльце избы, — жена, напутствующая его рукой.

Надпись:

«Урокъ мужъямъ простякамъ и женамъ щеголихамъ».

Подпись:

«Баба мыслитъ ухитрится
Чтобъ полутче нарядится»...
и пр.

Лубок связан с народным острословием:

«Стала баба козу забавлять, а коза пошла плясать. Продай лошадь и корову — мне купи обнову. Стал мужик бабу забавлять и кнутом ее стегать»... (балаганный припев, под балалайку, «лапотных куплетистов»).

№ 64. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

24,7×32,6 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Пальма, под которой разложен расписной ковер. На ковре — одетая по-восточному фигура бородатого мужчины. Перед ним, скрестив на груди скованные цепями руки, стоит женщина. За ней верблюд и два копьеносца. Вдали видны пирамиды и пальмы.

Изображение представляет собой иллюстрацию к одному из многочисленных, широко распространенных лубочных народных изданий, содержание которых составляли фантастические описания разбойничьих похождений.

Подпись:

«Къ Атаману Алжирскихъ разбойниковъ представляютъ бѣжавшую плѣнницу».

№ 65. Изд. в мет. А. Васильева. Москва. 1858.

24×30,6 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Часть морского берега. Вдали — каменная скала, возле которой разбилось судно. Два других плывут по морю. На первом плане, возле фантастического растения, стоит фигура полуженщины, полуживотного. Вместо хвоста у изображенной туловище змеи, заканчивающееся змеиной головой и жалом, на груди шесть звериных голов.

Надпись:

«Скилла дочь Фарки».

Подпись:

«Поязыческимъ баснямъ»...
и пр.

№ 66 (концовка).

18,5×16 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Копия офорта Hollar'а.

Упоминаемое Снегиревым изображение любимого кота Ивана Грозного.

ЛУБОК НАРОДНОГО ЗРЕЛИЩА

Феномен, «дикованный монстр», урод, чудо природы — это те притягательные названия старого ярмарочного балагана, музея-паноптикума, на которых строили свои немалые барыши ловкие дельцы народного зрелища. Посмотреть на несчастного, обиженного природой человека, подивиться его странной внешности, физическим особенностям считалось в старое время если не забавой, то развлечением во всяком случае. Для бедной семьи урод был даже доходной статьей. С детских лет его «продавали» или передавали по контракту ловкому дельцу антрепренеру, который возил «приобретение» из города в город, с ярмарки на ярмарку, с одного тракта на другой, повсеместно вывешивая плакаты, афиши, восхваляющие «монстр», и без стеснения преувеличивал его «смотровые» данные. Иногда уродов создавала и дополняла искусственно человеческая жестокость, и история зрелищ рассказывает о профессиональных, существовавших когда-то специалистах такого дела, но были случаи, когда в этом просто помогала рука художника. Каждый плакат, каждый рисунок, преследуя цели заманивания публики, почти обязательно утрировал натуру, придавая ей фантастический, необычайный вид. К числу таких относится и тот лубок, который приводится здесь, — Юлия Пастрана. Это чудеса — наполовину природные, наполовину выдуманные, по внушению заказчика, живописцем.

Наглядный рисунок считался в иных случаях наиболее действительным средством и для увеличения доходности театральных зрелищ. Не только ярмарочные музеи-паноптикумы, но даже оперные и драматические спектакли не обходились без клише, заставлявшего глубже заинтересовываться содержанием афишного текста. Артисты же эстрады и цирка создали такую галлерею индивидуального лубка, которая не исчерпывается ни одним собранием. Формы его буквально бесконечны.

Примитивное массовое зрелище также нашло свое отражение в народном лубке: водыри медведя, скоморохи, ярмарочные музыканты, раешники, если не частые, то и не особенно редкие его персонажи. С этой стороны лубок играет иллюстративную роль для историка народных забав и развлечений. Образцы такого типа мы приводим рядом с изображением «живописной натуры диковинных монстров».

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 67. Изд. в мет. П. Н. Шарапова. Москва. 1858.

27,6×42 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

На лубке изображена сцена сватовства между двумя феноменами. Слева, с цветком в руке, стоит в бальном туалете декольтированная Юлия Пастрана. Лицо ее, грудь

и руки покрыты сплошь волосами. Позади ее молодой, франтоватый, одетый во фрак мужчина просительно протягивает руки. С правой стороны — фигура толстяка Рожерома Баркома, на котором клетчатые брюки, гладкий жилет с часовой цепочкой, с массивным подвеском на ней, и широчайший пиджак. Он, видимо, что-то говорит волосатой собеседнице. Рядом с ним, в его застегнутом на все пуговицы пальто, стоят семь мужчин с подчеркнуто-глупыми лицами. На фоне — товарные весы, прикрепленные к толстой свае, на одной площадке весов стоит гиря с надписью «15 п», а на другой — уменьшенная копия Баркома. Стрелка весов показывает, что толстяк перетянул гирю.

Изображение это относится к первой демонстрировавшейся в России в 1858 году волосатой женщине Юлии Пастране; позднее — 1876 году — ее заменила в цирке Теодора Лента, конкурентка «Синьора Зенона Пастрана».

Подпись:

«Дѣвица Юлія Пострана 23 лѣтъ и Замѣчательнейшiй изъ жениховъ ея Рожеромъ Баркомъ. 53. лѣтъ»...
и пр.

№ 68. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

20,4×35,7 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Возле небольшого, стоящего на возвышении строения, между редких деревьев, стол с самоваром, чайной посудой и бутылкой вина. За ним две фигуры купеческого типа — полной женщины и бородатого мужчины, перед которыми дает представление бьющий в барабан водырь медведя. Последний изображен играющим на балалайке. Рядом с ним — наряженная в костюм, выбивающая такт на ложках коза. Справа — группа разнотипных любопытных.

Подпись:

«въ Марьиной Рощѣ.
Медведь съ казою Забавлялисъ
идругъ на друга удивлялисъ»...
и пр.

№ 69. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

Встречались однородные экземпляры, изд. в лит. П. А. Глушкова, Москва, 1878.

34,5×31,4 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Изображение раешника, в ящик которого смотрят трое любопытных. Вдали городские здания и купола церкви. На ящике надпись:

«Всемирная косморама. Въ сеи космoрамѣ показывается всякой городъ и разныя виды житейски, страны халдейски и городъ Парижъ какъ въ ѣдешъ такъ отъ шуму угоришъ истраны Американски откуда привозятся калоши дамски».

Надпись:

«Раекъ».

Подпись:

«Вотъ Извольте видѣть... Салтанъ машетъ платкомъ»...
и пр.

ЛУБКИ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩИЕ НАРОДНУЮ СКАЗКУ

Сказка — это, большей частью, прозаический по форме рассказ, невероятный по содержанию, занимательный по форме, поучительный, легендарный или исторический, являющийся отзвуком действительного события. Сказки, как известно, имели весьма значительное распространение в народе. В старину существовали специальные их рассказчики — «баятели» или «бахари», которые много содействовали популярности этого вида повествования. Даже сейчас живы редкие передатчики сказок, восстанавливающие подчас забытые и интересные для фольклориста материалы. Народный лубок неизменно сопутствовал историческим этапам сказки и сохранил нам ее в наивных, полных искренней простоты образах.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 70. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

25,6×38,9 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Слева, на коне, — одетый в рыцарские доспехи Илья Муромец. Он выпустил из лука стрелу. Справа, в зелени деревьев, — голова и плечи Соловья-разбойника. К правому глазу его летит стрела Ильи Муромца. Вдали — продолжение сказки и судьбы ее героев: по полю мчится одетый в рыцарские доспехи всадник, к хвосту его коня привязана мужская фигура. На горизонте видны горы, среди которых замок с башнями.

Подпись:

«Сильный Храбрыи Богатырь Илья. Муромецъ»...
и пр.

№ 71. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

28,8×39,3 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Слева — воин на коне, в рыцарских доспехах, поражающий копьем кентавра. Последний замахнулся на противника дубиной. Позади фигуры — каменная крепостная стена, дом, башня и палатка.

Подпись:

«Славный сильный и храбрый Бова Королевичь поражаетъ Полкана Богатыря»...
и пр.

№ 72. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

27,8×38,2 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Еруслан Лазаревич изображен летящим через море на трехголовом змее. Одна голова чудовища отрублена и плывет по воде. Справа — берег и город, у ворот которого царевна Анастасия Вахрамеевна, вместе с жителями, встречает героя сказки.

Один из вариантов иллюстрации этой темы.

Подпись:

«Славный сильный и храбрый Витязь, Еруслан Лазаревичь»...
и пр.

№ 73. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

28,9×38,8 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

На сером волке мчится, держа клетку с жар-птицей, одетый в рыцарские доспехи Иван-царевич. Рядом с ним, на коне, украшенная короной, с веером в руке, Елена Прекрасная. Вдали, на берегу реки, — обнесенный каменными стенами замок. По реке плывет парусная лодка.

Подпись:

«Сильный Славный Храбрый Богатырь Иванъ Царевичь»...
и пр.

№ 74. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

25,2×38,5 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Справа — смерть в виде скелета в плаще, держащего в руках опущенную косу. В колчане за спиною смерти всяческие виды холодного оружия. Слева, на коне, в рыцарских доспехах,— обнаживший меч Аника-воин. На земле — труп того же Аники-воина. Справа — вдаль убегает оседланный конь.

Один из вариантов иллюстрации этой темы.

Подпись:

«Сильный и Славный Храбрый Воинъ Аника.
Почистому полю разъезжаетъ противника себѣ вызываетъ»...
и пр.

РЕЛИГИОЗНО-ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ ЛУБОК

Громадное количество религиозных мифов, сказаний, легенд и фантастических, часто доходивших из отреченной литературы преданий, запугивавшая сознание некоторых отступников от церкви угроза жестокими адскими мучениями, широкое распространение веры в загробную жизнь создали наряду с текстовыми произведениями особый, совершенно своеобразный цикл духовно-иконографических изображений. Последние занимают большое место в народном бытовом лубке. Дешевизна бумажной продукции размножила этот вид монастырской религиозно-бытовой пропаганды и придала ему большую мозаичную пестроту.

На первом плане среди этого интересного и многочисленного материала стоят произведения сюжетные, многоликие, дающие широкий простор замыслу гравера и художника, стремившихся ярче и детальнее охватить уже использованную рядом предшественников тему. Древнейшее апокалипсическое предание, имеющее своим источником индийские, подхваченные евреями мифы,—«страшный суд», представляет одну из наиболее интересных и сложных композиций такого раздела.

Суеверное сказание о пришествии антихриста и о кончине мира, тщательно поддерживавшееся и укреплявшееся в представлении народа еще со времени IX века, породило большое количество соответствовавших исторической легенде иллюстраций этого сюжета.

У нас первое появление такого живописного изображения относят к концу XII века и связывают его с именем иконописца Авраамия Смоленского, иллюстрировавшего четьи-минеи августа месяца. Расцвет учения о «страшном суде» и о «пришествии антихриста» относится к XV веку, обильному миниатюрами, составленными по воображению или «видениям» убежденных ревнителей легенды.

Многочисленные варианты этой темы в народных картинках, при сохранении основного перевода, отличаются разнообразием в деталях и в стиле общей художественной трактовки. Мы помещаем его поэтому на первом месте.

№ 75. Изд. в завед. В. Шарапова. 1850 (город изд. не указан).
71,8 × 42,2 (с боковыми текстами 56,2) *см.*
Экземпляр не раскрашен.
Один из вариантов иллюстрации темы «страшный суд».
Многострочные надписи на церковно-славянском языке по полям изображения.
Вверху надпись:

«Изображеніе страшнаго суда Божія».

№ 76. Изд. в старообрядческой типографии Г. К. Горбунова. Москва (года нет).
36,2 (с подписью 44,2) × 68,1 *см.*
Художник А. Шангин.
Цветной экземпляр, печатанный с камня.
Изображение «Жития Марии Египетской».
Многострочная подпись на церковно-славянском языке.

№ 77. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.
37,5 × 30,5 *см.*
Цветной экземпляр, печатанный с камня.
Старообрядческая поучительная листовка «Тяжко есть иго насынѣхъ адамлихъ».

№ 78. Анонимный оттиск XVIII века.
24 (с подписью 27) × 37 *см.*
Экземпляр не раскрашен.
«Искушение Антония Египетского» (воспр. Ровинским).
Надпись и подпись на церковно-славянском языке.

№ 79. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.
33 × 86 *см.*
Изображение «Жития старца Герасима». В верхнем поле случайная запись пером: «Отъ издателя Стрѣльцова».

Судя по орфографическим, сделанным от руки исправлениям текста, воспроизводимый нераскрашенный экземпляр — первый пробный и корректурный оттиск. Весь лубок в целом отличается оригинальной манерой выполнения, выдержанностью отдельных фигур и строгим сохранением стиля примитивных гравюрных композиций.

Двенадцать отдельных изображений на одном листе.
Под изображениями пояснительные подписи на церковно-славянском языке.

№ 80. Редкий анонимный рукописный лубок XVIII века, работы поморских мастеров. 30,5×67,8 *см.*

Сюжет: сотворение человека, жизнь в раю Адама и Евы, изгнание их из рая.

№ 81. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.
36×31,5 *см.*
Цветной экземпляр, печатанный с камня.
Широко распространенная старообрядческая листовка: «Райская птица Сирин».

№ 82. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.
39×31 *см.*
Цветной экземпляр, печатанный с камня.
Широко распространенная старообрядческая листовка: «Райская птица Алконост».

№ 83. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.
24 (с подписью 35)×34 *см.*
Экземпляр не раскрашен.

Старообрядческая листовка с изображением пыток Евдокии Урусовой и Феодосии Морозовой.

Подпись:

«Мученіе задвуперстное сложеніе»...
и пр.

№ 84. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.
13×18,4 *см* (с подписью 38×23,5 *см*).
Цветной экземпляр, печатанный с камня.

Изображение «Беседы о вере князя Владимира с иноземными послами». Старообрядческая листовка.

Многострочная пояснительная подпись на церковно-славянском языке.

Надпись:

«О послахъ различныхъ къ вѣре Князя владимира увѣщавающихъ».

№ 85. «Изданіе Старообрядческаго церковно-восковыхъ свѣчей завода компаніи Рыжковыхъ въ Витебскѣ» (года нет).

8

22,7×23,2 *см* (с подписью 46,2×29,6 *см*).
Экземпляр не раскрашен.
Изображение поучительной темы «Старец и бес».
Подпись:

«Книга, патерикъ Скитскій. Глава 29.
Нѣкій старец ходя по пустыни,
видѣ бѣса идущѣ мимо его»...
и пр.

ЛУБКИ РЕЛИГИОЗНО-АГИТАЦИОННОГО ХАРАКТЕРА

Рядом с религиозными лубками стояли еще изображения, носившие церковно-догматический или обывательско-просветительный характер. В большинстве они отражали в себе: мораль мещанского благополучия, дух культовой пропаганды, проповедь относительной добродетели, непротивления злу, духовного раскаяния, покорности судьбе или спокойного подчинения всякого рода неизбежностям. Это были своего рода позднейшие разновидности древнерусского «Домостроя». Иногда помимо частных лиц, их издавали миссионерские организации, монастыри, буржуазно-благотворительные общества, общества покровительства животным, группы ревнителей православия и т. п. Экземпляры их следует считать крайне редкими и малосохранившимися у коллекционеров.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 86. Редкий анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

26,6×30,9 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

В центре лубка — вращающееся колесо, поднимающее и опускающее человеческие фигуры. По углам — изображения трудовых производственных процессов: работника с бороной, пахаря, сеятеля и вязальщиц хвороста. Рама из символических фигур.

Подписи:

«Чуденъ всветѣ Человекъ
суетится целои вѣкъ
щастия сыскать желаетъ»...
и пр.

Вверху — «Суета суетствiй, всяческая суета», вокруг центрального рисунка вязью — «Си(ы)не такъ на свѣтѣ все превратно», внизу — пояснения к отдельным частям.

№ 87. Изд. в мет. П. Н. Шарапова. Москва. 1857.

25,8×37,3 *см.*

Экземпляр раскрашен мстерскими кустарями.

Лубок на тему «Рачительное домоводство».

Тождественные оттиски встречались и анонимные.

Надписи, разбросанные в различных местах оттиска: под весами, которые держит амур—«своя ноша нетянетъ»; на рукоятке и по лезвию косы —«жизнь наша идетъ день за день часъ за часомъ, а все къ смерти ближ(е)»; на пачке книг, в руке у мальчика «Грамата», Зак. Божій, св. Исторія, Ариѳмет., Счетовод., Чистописаніе, А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н, Правопис. Правилы»; под ногами у женщины, кормящей ребенка:

«Доброй матери смотренье
Не давать глупымъ забавъ
Нужно дать имъ наставленье.
Посѣлить въ нихъ добрый нравъ».

Подпись:

«Кто рѣшился коль жениться»...
и пр.

№ 88 Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.

29,7×37,7 *см.*

Экземпляр не раскрашен.

Изображение на тему «Ступени человеческого века». В верхней части лубка — на 11 ступенях изображение различных периодов человеческой жизни, начиная от колыбели и кончая столетним возрастом. В нижней — знаки зодиака и эмблемы: мудрости (сова), времени (песочные часы), знания (книга) и неудачи, неожиданности, болезни и т. п. (пылающая сломанная свеча). Изображения снабжены пояснительными надписями.

ЖИВОПИСНЫЙ СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ЛУБОК

Примитивность и самостоятельность манеры, красочная яркость, утвержденный традицией своеобразный графический прием и упрощенное разрешение сюжетных подробностей сближают рисунки лицевых старописных книг с народным лубком. Только художественной техникой, большим в некоторых случаях мастерством изображения и кропотливой, усидчивой детализацией мелочей первые, несомненно, превосходят второй. Лубок — «ходовая» промышленная рыночная продукция, лицевой же рисунок — заказная картинка, связанная с индивидуальным требованием на сюжет, с психологическим настроением и с религиозным воображением заказчиков. Автор лубка не знал к себе того критического отношения покупателя, которое предъявлял заказчик книги к мастеру, получая ее с рук на руки. Лубок — многотиражная, печатная листовка; лицевые изображения — сделанные кистью оригинал или копия, могущие иметь лишь ограниченное количество повторений, исполненных одной рукой. Переведенный на доску, металл или камень лубок рождался быстрым механическим путем, каждый же рисунок старописной книги был связан с продуманным и требовавшим значительного времени творческим процессом. Особенно ценны работы поморских старообрядцев. Несмотря на общий, повторяющийся перевод (т. е. копировку) рисунка, в них чувствуются большая изобразительная сила, тонкое понимание краски и техническая высота графического искусства. В создании орнаментированной заставки художники старообрядцев, несомненно, замечательные, могущие служить высоким примером, мастера.

Все приводимые изображения многокрасочные; они исполнены на старой, современной их появлению бумаге иконографической манерой и представляют иллюстрации древних рукописных книг.

Совершенно особый, отдельный рисунок, а именно «Библейская история Адама и Евы», помещен в разделе «Религиозно-иконографический лубок» (№ 80).

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 89. Миниатюра и текст из рукописной книги северных писем: «Слово Паладия мниха». XVIII век.

«...нявятся снебесе идуще, носяще престолъ господень страшный»...

Размер оригинала.

№ 90. Миниатюра и текст из рукописной книги северных писем: «Слово Паладия мниха». XVIII век.

«Архангелъ же поятъ его (т. е. мниха Иоанна) заруку иприведѣ его врай»...

Размер оригинала.

№ 91. Миниатюра и текст из рукописной книги северных писем: «Слово Паладия мниха». XVIII век.

«Житіе святаго Андрея Христа ради юродиваго».

Размер оригинала.

№ 92. Заставка, заглавная буква и текст из рукописной книги с крюковыми нотами: «Книга священнаго пѣснохваленія, духовнаго сладкогласія, торжественнаго добропѣнія праздниковъ господьскихъ и богородичныхъ» на «рождество господа бога и спаса нашего іисуса христа», поморских писем XVIII века.

Размер оригинала.

ЛУБКИ, ОТРАЖАЮЩИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ, ВОЕННЫЙ БЫТ, ВОЕННЫЙ АНЕКДОТ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ И ЦАРСКУЮ СОЛДАТЧИНУ

Религиозный лубок всегда играл роль популяризатора многочисленных преданий церковного характера, образного передатчика мифов и легенд. Военный лубок нес на себе такое же обязательство в другой области государственной жизни: он являлся «усилителем» героики. Ряд неудачных, а иногда и сомнительно счастливых войн, вызывавших упадок общественного настроения, прикрывался выпуском наивных героических изображений и портретов «славных, доблестных» генералов и полководцев. Их дополняли анекдоты о Петре I, Суворове, Скобелеве под Плевной и т. п. Преследуя одинаковую цель, лубки первой половины XIX века, изображавшие военных «героев», были крайне однообразными, создававшимися по одному, общему для всех штампу. В центре первого плана помещается обязательный всадник на лихо скачущем коне. Он одет всегда в блестящий, иногда дополненный фантазией мундир генерала; правой рукой он или угрожающе машет обнаженной саблей или повелительно указывает вперед. А вокруг дружно, наподобие оловянных солдатиков, маршируют в ногу войска. Художник делал фигуры солдат так, как будто наклеивал одно на другое трафаретно вырезанные из картона изображения.

Несколько иного построения были лубки того же периода со сценами взятия крепостей, с боевыми эпизодами, баталиями и т. п. В них больше сказывались и мастерство и фантазия художника. Некоторые из них по смелости и приему рисовальщика были просто интересными.

Исторический, затасканный в словесных вариантах анекдот также сеял и распространял мораль патриотического подвига и верноподданнического служения царизму.

Военный и политический лубки второй половины XIX века носят следы дешевого, плохого мастерства. Это забытый и заброшенный угол в искусстве, которого сторонится серьезный художник. Но в XX веке дешевому трафарету старого массового лубочного изображения в этой области противопоставляет свое искусство ряд новых и одаренных его оформителей. Пионерами на этом пути мы, по праву, должны считать Д. Моора, А. Радакова, В. Маяковского, Юнака и некоторых других, произведения которых, впрочем, отмечены яркой печатью большого индивидуального мастерства, и вне связи с традицией и формами народной картинки.

№ 93. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.
27,2 × 36,2 *см.*
Экземпляр не раскрашен.
Подпись:
«Его Сіятельство Князь Михаилъ Семеновичь Воронцовъ Намѣстникъ Кавказскій».

№ 94. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют. Есть такие же листы, изд. в типолит. И. Е. Ермакова. Москва, 1894.
24,5 × 35,2 *см.*
Экземпляр не раскрашен.
Подпись:
«Вылазка изъ севастополя произведенная 18-го на 19-е Апреля 1855 года»
и пр.

№ 95. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.
24,1 × 35,3 *см.*
Экземпляр не раскрашен.
Подпись:
«Нападеніе Англичанъ на Ставропигіальнный Соловецкій Монастырь»
и пр.

№ 96. Анонимный оттиск. Даты отсутствуют.
26,7 × 38 *см.*
Экземпляр не раскрашен.

В левой части лубка — военный лагерь, около которого три фигуры солдат: французского, турецкого и английского. Поблизости от них — телега, нагруженная знаменами и пушкой. К оглоблям ее привязаны лебедь, рак и щука. На первом плане этой же части к крутому обрыву, наполненному водой, мчится управляемая стоящей в экипаже женщиной тройка коней, которым пририсованы человеческие головы француза, турка и англичанина. В правой стороне, за обрывом, — крепость, прикрывающая ряд русских церквей. Около — трое часовых с пушкой.

Лубок представляет объясняемую в пользу России сатиру на Севастопольскую кампанию.

Подписи:
«Троика», «Три товарища»
и пр.

ПЕРСИДСКИЙ ЛУБОК, БЫТОВАВШИЙ В РОССИИ

Как это ни странно, но среди русского народа, а именно среди крестьян б. Нижегородской губернии, бытовал в незначительном количестве персидский рукописный лубок. Началом этому обстоятельству послужил нижеприводимый факт. На устроенную в конце XIX века в г. Нижнем-Новгороде «Всероссийскую промышленную выставку», вместе с персидскими купцами, прибыли живописцы из предместий г. Решты — Али Рузаев и Нигматулла Сафаров, занимавшиеся быстрым изготовлением на месте изображений героев своего национального эпоса. Спрос на дешевые листки с образцами туземного рисунка был, видимо, значительный. Через несколько лет мастера, не без успеха, стали вновь посещать нижегородскую ярмарку. Их рисунки, расценивавшиеся от 20 до 30 коп. за экземпляр, попрежнему охотно и легко раскупались местным населением, обращая на себя, благодаря красочной пестроте, внимание и заезжих крестьян. Наезды живописцев прекратились после 1907 года, но след их пребывания остался. Объезжая в этот период кустарей нынешнего Горьковского края, в двух избах я натолкнулся на персидские лубки. На одном из них, висевшем в раме под стеклом, была изображена полуобнаженная, сидевшая на ковре фигура бородатого мужчины. Я спросил владельца о ее значении.

— В бозе почивший император Александр третий отдыхает после обеда, — серьезно пояснил он мне.

Я не стал разубеждать его в точности данной мне исторической справки, но вынужден был признать факт проникновения чуждой изобразительной культуры и в быт русского крестьянина. Воспроизводим два наиболее характерных экземпляра.

№ 97. Экземпляр, исполненный разноцветными красками от руки.
30,7×41,6 *см.*
Живописный персидский лубок, с изображением мужских фигур — героев национального эпоса.

№ 98. Экземпляр, исполненный разноцветными красками от руки.
34,6×34,3 *см.*
Живописный персидский лубок с женскими фигурами.

ТИСНЕНАЯ ЛУБОЧНАЯ КАРТИНКА НА НАРОДНЫХ ПРЯНИКАХ

Пряник с древнейших времен играл большую роль в обиходе русского народа. «Учали добры молодцы есть пряники печатные, запивать винами крепкими», — говорится о нем в былинном эпосе. Этот вид печений из теста употреблялся при самых разнообразных случаях:[1] для подношения начальным и крупным людям, для украшения праздничных столов, для выражения всякого свойства личных чувств, старшинства и меньшинства, как непременный атрибут свадьбы, погребений, поминок, панихидных служений и, наконец, как лечебное средство. При встречах и проводах царей, воевод, губернаторов, архиереев и т. п. от жителей местности обязательно выпекался изысканно украшенный изюмом, черносливом или цукатами, сделанный по особой форме пряник. Так было еще в первой половине XIX века. Сватался жених к невесте — он привозил в дом пряник. Хотел робкий юноша изъясниться в своих чувствах избраннице сердца—употреблялся опять пряник с трогательными надписями: «будишь знать отъ кого ѣла», «въ день ангела», «знакъ моей дружбы», «знакъ любви», «знакъ уваженія», «в память нѣжной встречи», «люблю и надѣюсь», «вы розанъ», «супиръ», «вы цвѣтокъ», «помни — не забывай» и пр.

На семейные торжества «давились» пряники с обычным для такого случая рисунком букета цветов, распустившейся розы, двух нежно целующихся голубков или соответствующими инициалами. Воеводам, губернаторам и архиереям чаще всего «ставились» изображения деревьев с порхающими по ним сказочными птицами, с государственным гербом, крепостными башенками или с «теремком», т. е. со строением. Лечебные же пряники были и некоторой разновидностью знахарства. Младшие несли старшим большой пряник, а старшие дарили младших «меньшим». Сваху награждали пряником «коровайным», новобрачным пекли «в два места» или рисунка. Последний тип называется «разгонным», ибо, когда начинали его в конце пира резать на мелкие части и делить присутствующим, молодые вставали из-за стола и удалялись в опочивальню. Служащие подносили хозяину пряники — подовые, многослойные, печеные «на поду», т. е. на камнях печи, с миндалем и изюмом. Куму, куме было принято поднести в знак хлебосольства изображение рыбы, петуха или барашка. Наконец, детям дарили специальные сорта в виде коньков, человечков, звездочек и т. п. Особенно же оригинальными были пряники поминальные и панихидные. Делались они громадных размеров и обильно украшались «монахами» или черносливом, напоминая цветом о трауре и скорби по умершем. Иногда, в редких случаях, помещался на них и «заказной» религиозный оттиск, передававший «положение И. Х. во гроб» или «воскрешение Лазаря».

Больше всего печением фигурных пряников славились б. губернии Архангельская, Вологодская, Вятская, Тульская, а за ними Рязанская, Казанская, Владимирская и Нижегородская.

---

[1] Все описания я привожу по личным записям от старожилов, применительно к обычаям б. Нижегородской и Владимирской губ.

Главным временем их спроса и потребления повсеместного являлся «великий пост». В так называемое «прощеное воскресенье», т. е. в последний день масляницы, было в обычае поднести «печатное печение» для пополнения дозволенных яств будущего скудного «рыбного и грибного» стола. В этот день в б. Нижегородской и Владимирской губерниях из дома в дом развозились такие лакомства, иногда требовавшие, по количеству родных и знакомых, специального экипажа.

Широкое распространение пряника, разнородность случаев и оснований его дарения, традиция украшать его рисунком создали особую отрасль бытового искусства — затейливое вырезывание коврижных и пряничных досок или форм, своего рода клише для художественных мучных изделий. Последние бывали: «почетные с казной», т. е. с изображением двуглавого орла, «титульные», т. е. именные, «святые», т. е. с религиозным иконографическим сюжетом, «счастливые, со словом», т. е. свадебные, «полюбовные», «советные», «ребячьи-забавные», «наговорные», «всячинные» и «в торг», т. е. для рыночных изделий. Само тесто раскрашивалось — «цветилось», покрывалось позолотой, серебрением, «ягодным сахаром», «глазной изюминой», «яичным снимом» и тертым сухарем. Отсюда ясно, что существовал и специальный тип художника-производственника, готовившего по заказу и для продажи «живописные, забавные теста». Рядом же с ним «мудровал» резчик форм из грушевого или липового дерева, — разновидность скульптора или гравера бытового лубка, с тою лишь разницей, что печатал он свои произведения не на обычном материале — бумаге, а на густом мучном «заквасе» и «жмал» их не с выпуклого, а с углубленного рисунка в доске. Мастерство первого, за ничтожным исключением, погибло в человеческих желудках, творчество второго, отраженное на дереве, дожило до музейного хранилища. Сохраняя в работе древнейшую технику народного художника и наивность творческой фантазии, оба донесли до нас стиль и живописную культуру своей эпохи. И в искусстве мастера, цветившего пряник, как и в искусстве печатника, мы находим интересную страницу для истории старого народного быта, родственную по стилю с народной картинкой.

ОПИСАНИЕ ЛИСТОВ

№ 99—100. Изд. в лит. И. Голышева. Голышевка, 1881.
Размеры изображений:
16,2 × 11,9 *см* и 16,1 × 12 *см.*
Одноцветные экземпляры, печатанные с камня.
Пряники, служившие для официальных подношений и подарков крупным лицам.
Подписи:

«Печатные пряники».

№ 101—103. Изд. в лит. И. Голышева. Голышевка, 1881.
Диаметр каждого изображения 10,5 *см.*
Одноцветные экземпляры, печатанные с камня.
Пряники, служившие для подарков по разным поводам.
Подписи:

«Круглые пряники».

НАРОДНЫЙ ЛУБОК

Въ низъ поматушки поволги въ низъ
пошироkову раздолью въ збушеваласл
Погода погодушка верховая волновая
Нечево въ волнахъ невидно только видно
Адну лодку Красная лодочка
Краснеютъ наней парусы белеютъ
Нагребцахъ шляпы чернеютъ
Кушачки та зиленеютъ
Самъ Хозяинъ воснаряде вокаричи:
евомъ кафтане въ черномъ бархошномъ картузе

Какъ возговаритъ Хозяинъ
Приударимъ та рябята въ низъ
Поматушки повол̊ги поширокому
Раздолью къ Катерининому подворью
Какъ Катерина
Неспесива книмъ
Навстречу выходила
Такую речь говорила
Непрогневайся Хозяйнъ въ чемъ
Сидела въ томъ ивышла.

Лист № 1

КАТИНЬКА

Лист № 2

Русская пѣсня.
Ванька съ Танькою сидитъ,
Танька Ваньки говоритъ
Ванька соколъ дорогой
Танька пѣсенку пропой
Ванька дудочку беретъ
Танька пѣсенку поетъ

Лист № 3

ПѢСНЯ.
Внизъ по рѣчиньки струистой
Легка лодочка плыла.
И въ водѣ прозрачной чистой
Будто въ зеркалѣ была.
Ужь ночь тогда была.
Въ ней сидѣла моя таня
Ахъ за чѣмъ мой милой
Неспускалъ съ нея ты глазъ
Нѣтъ на свѣтѣ моя таня
Нѣтъ на свѣтѣ красоты.
Коей бы плѣнился ваня
Имъ владѣетъ одна ты.

Лист № 4

Печат. позв. Моск. 1857 г. Марта 8 дня Цензоръ В. Флеровъ.
Изданія Антона Абрамова печ: въ Металогр: Любавы Тарачковой Моск. 1857 года

Пѣсня.

Вечеркомъ красна девица
Напрудокъ состадомъ шла:
Черноброва круглолица:
Такъ гуськовъ домой гнала
Тега тега тега тега вы гуськи мои домой

Неищи меня богатый;
Ты немилъ моей душе
Что мнѣ: что твои полаты
Съ милымъ счастье въ шелаше
Тега тега тега тега вы гуськи мои домой

Съ нимъ одной любви довольно
Что бы вѣкъ счастливой быть
Но сердѣчку очень больна
Черезъ злата слезы лить
Тега тега тега тега вы гуськи мои домой

Лист № 5

Дозволено Ценсурою Моск. 9 Іюня 1865 г.

Печ. въ Лит. И. Гаврилова. Изданіе П. Н. Шарапова

Ѣхали ребята изъ Нова-города,
Красная дѣвица на улицѣ была,
Красная дѣвица на улицѣ была
Всемъ нашимъ ребятамъ по поклону отдала
Одному молодчику по ниже всехъ,
Одному молодчику по ниже всехъ
Отъ того по ниже что получше всехъ.

Сталъ ее молодецъ выспрашивати,
Сталъ ее молодецъ выспрашивати
Выспрашивати выговаривати.
Какъ тебя дѣвица по имяни зовутъ?
Дѣдъ крестилъ Акулина имя далъ,
Дѣдъ крестилъ Акулина имя далъ,
Акулина душечка ты радость жизнь моя!

Я тебя люблю за себя за мужъ возьму,
Я тебя люблю за себя за мужъ возьму;
Горенку срублю печь муравлину сложу
Горенку срублю печь муравлину сложу,
Столъ сколочу ножки точеныя.
Ношки точеныя, позолоченыя.

Лист № 6

ПѢСНЯ.
Небрани меня родная
Что я такъ люблю его
Скучно скучно дорогая,
Жить одной мнѣ безнего
Я незнаю что такое
Въ другъ случилося сомной.
Что такъ рвется ретивое
И терзаюся тоской
Все оно во мнѣ изныло
Все горю я какъ вогнѣ
Все немило все пастыло
И страдаю я по немъ
Въ ясныи день и темны ночи
И во снѣ и на яву
Слезы мнѣ туманятъ очи
Все летѣлабъ я къ нему
Мнѣ ненужны все наряды
Ленты камни и парчи
Кудри молодца и взгляды
Сердце бѣдное зажгли
Зжалься зжалься же родная
Перестань меня бранить
Знать судьба моя такая
Что должна его любить.

Лист № 7

Сарафанъ бабы дѣлятъ.
Ой вы дѣвки :
Ой вы бабы молодыя :
Кому клинъ дать Кому станъ.
Кому весь вы Сарафанъ.
Вышла дѣвка молода
Порасхвасталась она :
Ой вы дѣвки;
Ой вы бабы молодыя ;
Какъ вечоръ меня милой
Цѣловалъ да миловалъ
Крѣпко къ сердцу прижималъ
Онъ сударушкою называлъ
Ты сударушка моя
Какъ тебя мнѣ нелюбить.
Немогу тебя Забыть
Ой вы дѣвки ;
Ой вы бабы молодыя :

Лист № 8

Что съ тобою, Ангелъ стало?
Не слыхать твоихъ речей;
Ва все вздыхаешь – а бывало
Ты поешь какъ соловей
Съ милымъ пѣла говорила
А безъ милова грущу.

По неволѣ прiуныла;
Гдѣ я милова сыщу?
Развѣ милова другаго
Не найдешь изъ пастушковъ
Выбирай себѣ любова;

Всякъ любить тебя готовъ
Хоть иной мной прельстится,
Все я буду горѣвать
Сердце съ сердцемъ подружится:
Ужъ не власно выбирать

Печатать позволяется Москва 1851. Год. Апреля 19. Д. Цензоръ Князь Львовъ. Издан. А. Белянкина Печат. въ Металл. Чуксина

Какъ за рѣчкою,
Какъ за быстрою,
Въ темномъ во бору.

Брала дѣвица,
Брала красная,
Рыжики грибы;

Бравши рыжики
Бравши свѣжіе
Пѣсню пѣла такъ,

Не ходить сюда,
Не гулять сюда,
Парню молодцу;

Эту пѣсню,
Эту громкую,
Парень услыхалъ,

Къ красной дѣвицѣ
Къ разкрасавицѣ
Въ лѣсъ онъ прибѣжалъ

Печатать позволяется Ноябр. 8. д. 1850 года Цензоръ И. Снегиревъ Оригиналъ Собствен. Архипа Белянкина Печат. въ Металл. Т. Чукин...

Лист № 10

Во всей деревни Катинька
Красавицей слыла
И въ самомъ дѣлѣ Катинька
Какъ розанчикъ была
Прекрасны русы волосы
По плечикамъ вились,
А глазки, только взглянь на нихъ
Съ сердечкомъ распростись
И всѣ удалы
За Катинькой гналисъ
А жены всѣ съ мужьями ужъ
За Катиньку дрались!

Лист № 11

Унасъ было на улицѣ,
Унасъ было на широкой!
Ай, люли, люли, люли
У насъ было на широкой!
Красны дѣвки разыгрались
Молодушки расплясались,
Ай люли, люли, люли,
Молодушки расплясались!

Одна дѣвка лучше всѣхъ,
Въ косѣ лента шире всѣхъ!
Ай люли. люли. люли,
Въ косѣ лента шире всѣхъ
Молвила красавица
Тайно парню милому,
Ай люли, люли, люли,
Тайно парню милому!

Ты послушай милой мой,
Радость, сердцу дорогой,
Ай люли, люли. люли,
Радость сердцу дорогой.
Скоро мой отецъ родной
Тебѣ будетъ не чужой
Ай люли, люли, люли.
Тебѣ будетъ не чужой!

Лист № 12

Лист № 13

Лист № 14

Дозволено Цензурою Моск. 17 Февраля 1868 г.

ПѢСНЯ.

Литогр. Е. Яковлева на 2ª Мещанск. улицѣ въ собственномъ домѣ

Ай во полѣ! ай во полѣ!
Ай во полѣ липанька!
Подъ липою, подъ липою
Подъ липою бѣлъ шатеръ
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица

Рвала цвѣты со травы
Вила вѣнки съ городы
Кому вѣнокъ носити?
Носити вѣнокъ старому
Старому вѣнокъ не сносить

Мою молодость не сберечь
Ай во полѣ липанька!
Подъ липою бѣлъ шатеръ
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ
За тѣмъ столомъ дѣвица!

Рвала цвѣты со травы
Вила вѣнки съ городы
Кому вѣнокъ носити?
Носити вѣнокъ молодцу
Молодецъ тотъ вѣнокъ сноситъ
Мою молодость сбережетъ

Вечеръ поздно изъ лѣсочку
Я коровъ домой гнала;
Подошла лишь къ ручеёчку,
Близ зеленаго лужка
Вижу-баринъ ѣдетъ съ поля,
Двѣ собачки впереди.
Лишь со мною поровнялся,
Взоръ свой бросилъ на меня.
Здравствуй, милая красотка!
Чей деревни и села?
Вашей милости крестьянка,
Отвѣчала ему я.
Ты скажи, моя родная,
Изъ которой ты семьи?
Коль изволишь знать петрушу,
Я его сударь семьи.
Не тебя ли, моя радость,
Егоръ за сына просилъ?
Его сынъ тебя не стоитъ
Не ему ты рождена
Завтра радость, ты узнаешь,
Для кого ты рождена;
Гдѣ судьба твоя скрывалась,
Для кого ты суждена.
Собирайтеся, подружки,
На подворье на мое,
Собирайтесь поскорѣе,
Посовѣтуйтесь со мной.
Хоть и хочется быть госпожею,
Да Ванюшу очень жаль.
Вот подружки улыбнулись,
На отвѣтъ сказали ей:

Лист № 16

Нешей ты мнѣ, Матушка красный сарафанъ.
Не входи радимая, по пусту въ изъ янъ.
Рано мою косыньку на двѣ расплетать.
Прикажи мнѣ русую въ ленты убирать.

Пускай не покрытая шелковой фатой
Очи молодецкія веселятъ собой
Толи житье девичье чтобъ его менять
Торопится замужъ охать да вздыхать,

Не вѣкъ тебе дитетка пташечькой распевать
Златокрылой бабочькой поцветамъ [illegible]
Поблекнутъ все розовы цветы,
Прискучатъ забаушки стаскуешся ты

Лист № 17

ПѢСНЯ.
Близь Красныхъ воротъ,
Что на лѣво поворотъ,
Мѣсто чудо просвѣтилось;
Тамъ диковинка явилась,
Тамъ на мѣстѣ на пустомъ
Выросъ вдругъ огромный домъ
По Державной волѣ Царской,
Домъ возросъ чудесной, барской
Башня на дому стоитъ
Каждый часъ звѣнитъ гудитъ
Самозвонъ замысловатый
Чай заморской пребогатый
А на дворъ когда войдешъ
И кто еще найдешъ.
Тамъ увидишь кой что много:
Тамъ железная дорога,
Небывалая краса
Просто диво, чудеса,
Въ два пути железныхъ шины
По путямъ летятъ машины
Не на парѣ – на парахъ.
Посмотрѣть, такъ право страхъ.
Деньги лишь отдалъ на мѣстѣ.
Поглядишь – и верстъ за двѣсти.
Очутился ты какъ разъ
Чрезъ полчаса иль часъ –
Ну ужь дивная лошадка:
Богатырская повадка,
Тащитъ тысячу пудовъ
Словно какъ вязанку дровъ:
Самодвижно самокатно,
И пользительно пріятно
Конь стоитъ-ли все пыхтитъ
Фыркнетъ искрами и паромъ
Закипитъ вдругъ самоваромъ
Не качаетъ не трясетъ,
Словно вихремъ понесетъ:
Отъ чего сильна лошадка?
Что за дивная загадка?
Отъ того онъ силенъ пёсъ
Ѣстъ дрова а не овесъ:
А воды онъ пьетъ по многу
Но за то во всю дорогу
Ни когда ужь не слыхать
Чтобы сталъ онъ отдыхать
И не дастъ мигнуть онъ глазомъ
Какъ прикатитъ въ Питеръ разомъ
Ай да конь нашъ самокатъ
Русской удалью богатъ:
Но скажу я вамъ безъ шутокъ
Что проѣдешь меньше сутокъ
Вѣдь не близкая дорога
Городовъ и сёлъ тамъ много.
Знаетъ Русской нашъ народъ
Верстъ до Питера шестьсотъ
Ну, аказія случилась
Какъ Масква то просвѣтилась
Встанетъ всякъ изъ насъ въ тупикъ
Онѣмѣетъ и языкъ;
До чего народъ доходитъ:
Самоваръ въ упряжкѣ ходитъ
Слушай Матушка Москва
Я промолвлю слова два
Нѣмцы вишь нагородили,
Что машину сочинили:
Нѣтъ, голубчики: Нихтъ зарь
Русью пахнетъ Самоваръ

Лист № 18

Лист № 19

Лист № 20

ХИЩНЫЯ ВОЛКИ НАПАВШІЯ НА ПРОѢЗЖАЮЩИХЪ

Лихой ямщикъ на тройкѣ мчался
Въ степи пространной, снѣговой
И колокольчикъ заливался
Веселой пѣснью, подъ дугой
А но поднебесью катилась
Луна средь блѣдныхъ облаковъ,

Вдругъ стая страшная явилась
Голодныхъ изъ лѣсу волковъ.
Сѣдокъ дорожный пистолетъ
Въ десятый разъ ужъ заряжаетъ
А звѣрь за звѣремъ прибываетъ
И путникамъ спасенья нѣтъ.

Но, закусивши удила
Несется тройка удалая
И чтожъ, чрезъ часъ едва живая
Остановилась средь села.
Ну, спасибо, вамъ родные!
Ямщикъ молвилъ, а безъ васъ
Степи хладно снѣговыя
Убаюкали бы насъ!

въ литогр. В. Шарапова. печатано

Листъ № 21.

ПѢСНЯ.

Волузяхъ, волузяхъ
2 Волузяхъ, зеленыхъ лузяхъ!
Выросла виросла
2 Выростала трава шелковля
Разцвѣли, разцвѣли,
2 Разцвѣли цвѣты лазоревыя

Съ той травы съ той травы,
2 Ия съ той травы выкормлю коня,
Выкормлю, выкормлю
2 И я выкормлю выглажу его,
Поведу поведу,
2 Поведу я коня къ батюшки

Батюшка батюшка
2 Ахъ ты батюшка, родимои мой
Ты прими, ты прими,
2 Ты прими слово ласковое
Не отдай, не отдай,
2 Не отдай меня за старова за мужъ

Старова, старова
2 Ия старо насмерть не люблю.
Со старымъ со старымъ
2 Со старымъ гулять не пойду
Ты отдай меня за ровню
А я съ ровняю гулять пойду

Лист № 22

ПѢСНЯ ПРО ТО КАКЪ ЖЕНА ПИЛА ПИВО ДА МУЖКА НАКОРМИТЬ ПОЗАБЫЛА, И КАКЪ МУЖЪ ЗА ТО НА НЕЕ НЕ СЕРДИЛСЯ, А ПО ГЛУПОСТИ ЕЙЖЕ ПОКЛОНИЛСЯ.

Мужикъ пашенку пахалъ
Самъ на солнышко глядѣлъ.
Какъ другимъ-то мужьямъ жены
Ужъ и завтрекать несутъ.
А моя шельма жена
Мнѣ обѣдать не несетъ.
Отпрягу-ли я лошадку,
Я поѣду во лѣсокъ.
Ужъ я вырѣжу лозу
На свою шельму жену.

Ужъ ты гдѣ жена была,
Гдѣ сударыня была?
Я была, сударь была,
Что у кума, у кумѣ.
И ты что жена пила,
Что сударыня пила?
Пила пиво и вино,
За твое сударь здоровье
Чару меду выпила.

Мужикъ пашенку пахалъ
Самъ на солнышко глядѣлъ.
Какъ другимъ-то мужьямъ жены
Ужъ и завтрекать несутъ,
А моя шельма жена
Мнѣ обѣдать не несетъ.
О, о, охо-хонюшки мои.

—•—

Отпрягули я лошадку
Я поѣду во лѣсокъ:
Ужъ я вырѣжу лозу
На свою шельму жену.
Охо-хонюшки мои.

—•—

Подъѣзжаю ко двору
Жена ходитъ по двору,
Что развѣселенная,
Разрумяненная:
Что во сѣнки но панекѣ
Во Кумечныхъ полечкахъ.
Ох-хонюшки мои.

Ужъ я брошу-ли лозу
Поцѣлую я жену.

А спасибо те жена
Не забыла ты меня.

Ужъ ты гдѣ жена была,
Гдѣ сударыня была?
Я была сударь, была
Что у кума, у кумѣ.
И ты что жена пила,
Что сударыня пила?
О хо-хонюшки мои.

—•—

Пила пиво и вино.
За твое, сударь, здоровье
Чару меду выпила.
Ужъ я брошу ли лозу,
Поцѣлую я жену:
Охо-хонюшки мои.

—•—

Ай спасибо те жена,
Не забыла ты меня.
А жена-то отвѣчаетъ:
„Ужъ и гдѣж тебѣ забыть:
Не могу шельму забыть.
О-о-охо-хонюшки мои.

Печат. позв. Москва, 20 Дек. 1857 г. Ценсор И. Гиляров-Платонов

Моск. 1858 г. лит. ... Шарапова

Лист № 23

НОВАЯ ПѢСНЯ ПОУЛИЦѢ МОСТОВОЙ ВДОЛЬ ДОРОЖКИ СТОЛБОВОЙ

Поулицѣ мостовой
Вдоль дорожки столбовой
Шла красотка заводой
За ней парень молодой
Сокурчавой головой
Кричитъ милочка постой
Матрешечка подожди
Ваню душечка возми.
Пойдемъ вмѣстѣ мы съ табой
Заводою ключевой
Мнѣ отрадно быть съ тобой
Любоватся красатой.
Что такая ты замилка

Естьли гдѣ така картинка
Ахъ ты парень молодой
Нейди поводу сомной
Невлюбляйся ты въ меня
Негуби ваня себя
Я одна напрудъ пойду
Тамъ кузму свово найду
Я ночну тамъ съ нимъ гулять
Дороги цвѣты сбирать
Тебя ваня нелюблю
Изъ цвѣтовъ венокъ совью
Кузму буду цѣловать
Дороги подарки брать

Я возму съ него подарки
И продамъ вогородъ въ лавки
Сукна синяго куплю
Арѣмякъ вани сошью
Кузму стану цѣловать
Ваню жъ стану навѣщать
Ваня дорогъ для меня
Крѣпко любитъ онъ меня
Поулицѣ мостовой
Идетъ ваничка зомной
Паширокой столбовой
Мной любуется одной

Лист № 24

Что ты спишь мужичекъ,
Вѣдь весна на дворѣ;
Всѣ сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань проснись, подымись,
На себя погляди
Что ты былъ и что сталъ;
И что есть у тебя
На гумнѣ ни снопа.
Въ закромахъ ни зерна
На дворѣ по травѣ.

Хоть шаромъ покати;
Изъ клетей домовой.
Соръ метлою подмелъ
И лошадокъ твоихъ.
По сосѣдямъ развелъ,
И подъ лавкой сундукъ.
Опрокинутъ лежитъ:
И согнувшись изба,.
Какъ старушка стоитъ;
Вспомни время свое.
Какъ котилось оно;

По полямъ по лугамъ.
Золотою рѣкой;
Со двора и гумна.
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ.
По торговымъ людямъ;
И какъ двери тебѣ,
Растворяли вездѣ,
И въ почетныхъ домахъ.
Было мѣсто тебѣ:
А теперь подъ окномъ,

Подгорюнясь сидишь:
И весь день на печи.
Безъ просыпу ты спишь
И въ поляхъ сиротой,
Хлѣбъ нежатый стоитъ
Вѣтеръ мечетъ зерно
Птица зоблетъ его.
Что ты спишь мужичокъ
Вѣдь ужъ лѣто прошло;
А ужъ осень пришла,
Черезъ прясло глядитъ;

Въ слѣдъ за нею зима,
Въ теплой шубѣ идетъ.
Путь снѣжкомъ пороситъ
Подъ санями хруститъ:
Всѣ сосѣди въ саняхъ
Хлѣбъ везутъ продавать.
Собираютъ казну.
Брагу ковшичкомъ пьютъ,
А ты спишь мужичекъ.
И безъ хлѣба сидишь;
Лучше встань потрудись.

Лист № 25

ПѢСНЯ

Мужикъ пашенку пахалъ.
Самъ на солнышко взиралъ.
Глядѣлъ какъ чужіе то жены
Мужьямъ завтрыкать несутъ
А моя жена позабыла про меня
Дай я выпрягу лошадушку
Самъ пойду въ кусты

Вотъ я вырежу лозу на свою жену
Подъ ѣзжаю ко двору жена ходитъ подвору
Жена ходитъ подвору повесимши голову
Ина гдѣ жена была; я была у батюшки въ гостяхъ
И начемъ же ты жена
Меня поздравляла
Она отвѣта никакого нескazала

Лист № 26

Я пойду, пойду касить
Во зеленый лугъ!
Ты касаль моя
Коса острая
Не тупися ты
О младу траву!
Красны дѣвицы
Перемѣнчивы;
Обѣщанья ихъ
Точно ласточи
Навѣстятъ весной
Да и скроютя.

Нѣтъ! небыть тому,
Добрый молодецъ,
Чтобы дѣвицы
Измѣняли вамъ,
Красны дѣвицы
Любятъ вѣрно васъ!
А вы молодцы
Разудалые,
Полюбивши насъ
Покидаете
И красавица
Сохнетъ съ горести.

Лист № 27

12

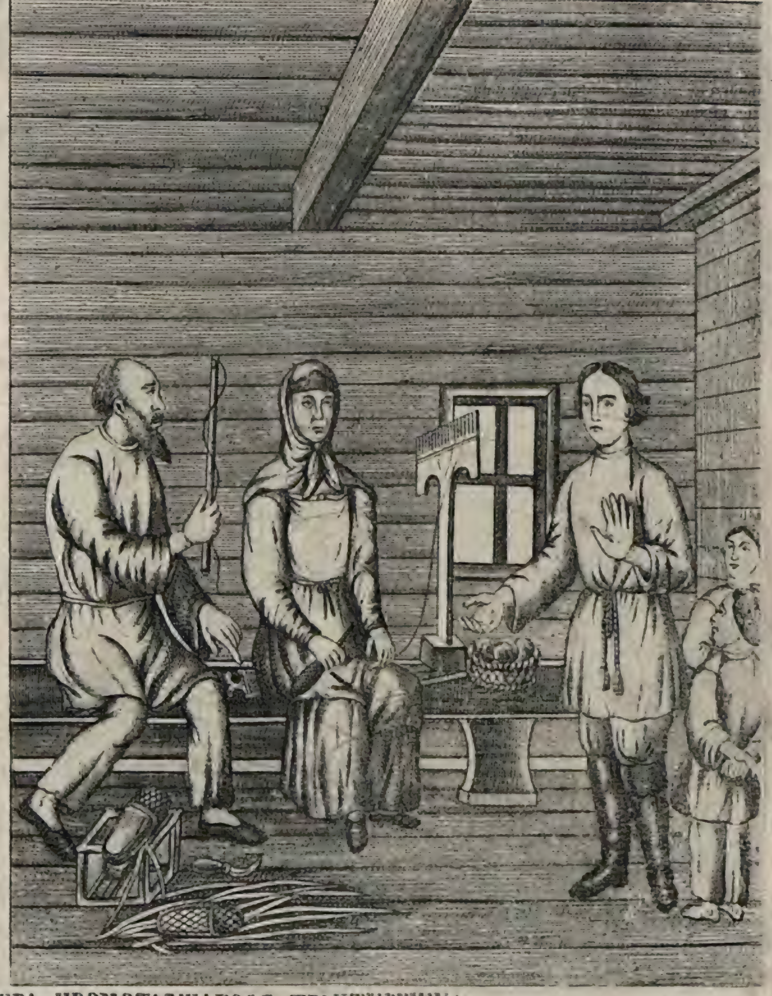

Лист № 28

Лист № 29

Возвращеніе на родину изъ Питера промотавшагося трактирщика

ПЕСНА

Я съ хозяиномъ расчелся,
ни чево мнѣ не пришлось!
всю дороженьку прошелъ,
А врошчетѣ тоскавалъ!
куда деньги я девалъ,
я чрезъ девять дней въ десятой!
и въ деревню жить попалъ,

я пришолъ обарвамшись
Веякъ смѣялся на домной!
уже дежа тому статся,
что бы денегъ ненажить!
поживика здесь въ деревнѣ.
похлѣбайка серыхъ щей!
и по копайка въ лѣсу пией.

толи дѣло житье питеръ!
погребковъ трактировъ много,
часмъ хоть голову облей!
Вы пуститѣ меня въ Питеръ
я небуду баловать,
стану деньги на живать!
естли гривеничикъ случится,
то въ сундукъ его запру!

А рублевикъ завертится,
я въ деревню квамъ пришлю!
въ Петербургѣ денегъ многа,
почти даромъ тамъ даютъ:
я въ передъ возму немнога,
вамъ гостинцовъ на куплю
и по обновѣ я сошью.

Лист № 30

Пряди моя пряха,
Пряди не лѣнися
Я вы рада пряла.
Да меня въ гости звали:
Звали, зазывали
Къ сосѣду во бесѣду
У сосѣда будетъ

Мои милый пригожій.
Мой милы хоршій,
Бѣлой, кудреватый.
Холостъ, неженатый
Вотъ ѣдетъ мой милый.
На ворономъ конѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ

Шапочка съ углами,
Головка съ кудрями
Къ двору подъѣзжаетъ,
Дѣвица встрѣчаетъ.
За ручки хватаетъ,
За столикъ сажаетъ

Лист № 31

РУССКАЯ СВАДЬБА

Государь ты нашъ Батюшка.
Свѣтъ Андрей Прохоровичъ.
Государыня ты Матушка.
Свѣтъ Анна Яковлевна.
Ты садись матушка да усаживой.
Ты пой гостей да упрашивой.

А вы родной батюшка.
Послѣ Вѣнчанія! пиръ.
Всѣхъ гостей преѣзжихъ
Съ чужой дальный стороны!..
Тебѣ пѣсню поемъ.
Тебе величаемъ!

А что сватушка коренной и свахонька.
Каренная Я иду самъ состоканчикомъ
Стаканъ съ питьемъ толова съ челобитье
Тебѣ батюшка родной стаканъ принять.
Прими да выкушаи, а послѣ темъ.
Въ горницѣ насъ выслушай

Лист № 32

Пѣсня Русская простонародная

Не будите молоду
Ранымъ рано поутру:
Разбудите молоду
Когда солнышко взойдетъ,
Пастухъ выйдетъ на лужокъ
Заиграетъ ворожокъ.
Хорошо пастухъ играетъ
Выговариваетъ:

Выгоняйте вы скотину
На широкую долину!
Гонятъ дѣвки, гонятъ бабы
Гонятъ малые ребята!
Становились во кружокъ.
Одна дѣвка весела.
Въ хороводъ плясать пошла
Она пляшетъ, рукой машетъ

Пастушка къ себѣ манитъ!
Поди ко мнѣ пастушокъ,
Поди миленькой дружокъ!
Бросилъ стада пастушокъ,
Пошелъ къ дѣвушки въ кружокъ
И полстада потерялъ.
Когда бъ знала молода,
Не манилабъ пастуха!

Печат. дозв. Москва 21го Сентября 1855 года Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

Печатано въ Металографіи Ивана Ме...

Лист № 33

ПРОЩАНІЕ
Ты неплачь негорюй
Моя миленькая
Не тужи, не тоскуй
Ты хорошенькая.
Слезъ горючихъ нелей
Изъ прелестныхъ очей.
Я твою ли слезу
На груди унесу,
И она среди сѣчь
Будетъ сердце мнѣ жечь!
Вражьи силы побьемъ
Мы огнемъ и мечемъ
Какъ изъ дальня пути,
Со крестомъ на груди,
Я къ тебѣ ворочусь,
Ко подругѣ своей,
На тебѣ я женюсь,
Ненаглядной моей!
Если жъ жизнь я свою
Положу на поляхъ,
Тогда душу мою
Помяни ты въ мольбахъ
Но не плачь не тужи
И себя не круши

Лист № 34

Лист № 35

Лист № 36

сподинъ: Батюшки, отцы родные, помилосердуйте! втрое заплачу! только пустите! меня и зубъ ужъ перестаалъ болѣть. Зубной врачь: не безпокойтесь. У васъ хотя и очень прочный зубъ, однако мы, всётаки, его обдѣлаемъ. Теперь, Кузьма, держи крѣпче, а я натужусь. Кузьма небойсь, не сорвется. Господинъ. Батюшки! конецъ мой пришелъ...

Лист № 37

Лист № 38

Лист № 39

ХОЗЯИВЫ ГОРЮЮТЪ А ПРЕКАЩИЧКИ ПЕРУЮТЪ

Какъ преходитъ месицъ июнь
Нажупцовъ тогда хошъ плюнь
Неодной ночи спокойно онъ неможъ провести
Чечъ светъ рана встаетъ
Щеты вруки беретъ.
Ненгъ глаза потупя
Точно самъ себе несвой
Какъ приходитъ къ нему жена.
Точно насмехъ создана
Что ты миланькои гарюишъ

Или денигъ унасъ нетъ
А танди ты жена прочь
Гаворить стобой немочь
Нада ехать бы кмакарью
А товару влавке нетъ
Какъ приходитъ. тому срокъ
Что хозяина вострокъ
А тебя моя милая
Хоть въ яму дл насрокъ
Позволь миланькои сказать

А детей куды девать
А мы сумачки сошьемъ. детей помиру пошлемъ
А прекащички говорятъ а намъ нечево зевать
Что есть въ лавке поскодиея
То убирать намъ поспорея
Уберемся мы порание
Заберемся мы подали. попьемъ погуляемъ
Хозяина заздравія помячимъ

Лист № 40

Лист № 41

Лист № 42

Пословица змеа хота и умираетъ азельа все хватаетъ

Пословица есть улюдеи а скажу впримеръ кнеи непомню котораго года кооблехченїю народа
скончалъ свои векъ приказнои человекъ то есть подъачеи которои всамои еще векъ реба
чеи былъ выученъ совсакаго просить затрутъ которои такъ скоро понялъ ту науку все
гда крючкомъ держать протягши руку пока ему дадутъ асверхъ того онъ былъ пре
изрядной плутъ даипротчїя крючки завидовали вору что онъ дралъ совсакаго безразбо
ру лишъ толко бы где ему случилосъ обмочить перо вчернїла состарился крючокъ нуже
ослабела ево и сила приходитъ кнему смерть скосою ивелитъ все дела негодныя броса
ть и болше нечего писать подъачеи нечего неговоря ухвата чернилицу рукою адругую
протянулъ къ смерти и уже лишася силъ даже исъсмерти затруды просилъ

СКАЗКА ПРОБОГАТАГО ИПАТА КАКЪ ОНЪ УЗНАЛЪ. КОГО ЛЮДЪ ЧЕСНОЙ УВОЖАЛЪ КАКЪ ПОТОМЪ КОШЕЛЬ СШИЛЪ, ЕГО ЗОЛОТОМЪ НАБИЛЪ И КАКЪ ЛЮДЕЙ УПРИКАЛЪ. ЗОЛОТУ КЛАНЕТСЯ ЗАСТАВЛЯЛЪ

Ипатъ разъ думу думать сталъ,
И такъ разъ самъ себѣ, сказалъ
За что меня такъ уважаютъ.
За что вездѣ такъ почитаютъ
Что денегъ много у меня,
Да вѣдь они лишъ, для себя
Такъ за какую же имъ стать
Меня такъ много уважать
Вездѣ поклоны воздаютъ
Вездѣ дорогу мнѣ даютъ
Съ великой честью принимаютъ
Все перво мѣсто предлагаютъ
За что не знаю же си ей,
Иль рожей нравлюся своей,
Должно быть такъ знать это вѣрно
Вонъ хоть Андрей сказать примѣрно
Уменъ ученъ души примѣрный
Нельзя сказать чтобъ очинь бѣдный
Зато все здѣлать онъ умѣетъ
Его бы стоило почесть,
За умъ предъ всѣми превознесть
Але опять его непочитаютъ

Чистенько только лишъ ругаютъ
Вѣдь это просто удивленье
За что такое мнѣ почтенье
Мнѣ это хочется узнать,
Любовь людскую разгадать
Кого онѣ такъ уважаютъ
Меня аль деньги почитаютъ
На хитрость живо подымуся
Чрезъ мѣсяцъ бѣднымъ притворюся
Тогда увижу тамъ честь,
Могуль на перво мѣсто сѣсть.
Ипатъ людей узнать рѣшился
Чрезъ мѣсяцъ бѣднымъ притворился
Глядитъ его ужъ всѣ ругаютъ
Ишапокъ больше неснимаютъ
Въ гостяхъ его не уважаютъ
На перво мѣсто несажаютъ.
Авъ уголъ сѣсть его попросятъ
Вина ужъ послѣ всѣхъ подносятъ
Ипатъ нашъ людъ чесной узналъ
Богатымъ въ мигъ опять онъ сталъ
Сейчасъ кошель большой онъ сшилъ

Его весь золотомъ набилъ
Опять къ Ипату всѣ стремленье
Нозимъ поклонятся Ипату,
Кошель онъ выметъ для холоту
Вотъ вы къ кому друзья стремлятесь
Ему пониже поклонитесь
Лишь поклоновъ отъ васъ ждетъ
Ему лишъ золото цѣнѣтъ
Ипата въ гости приглосятъ
Лишь перво мѣсто предлагаютъ
Ипатъ туда кошель кладетъ
Самъ въ задний уголъ вмигъ идетъ
Хозяину онъ вотъ что скажетъ
На золотой кошель укажетъ
Ты вонъ кого долженъ почесть
Я вонъ кому самъ должно сѣсть
Мое же мѣсто въ углу здѣсь
Вамъ золота тутъ должно честь
Въ концѣ конечно безъ сомненья
Мы выводимъ и заключенья.

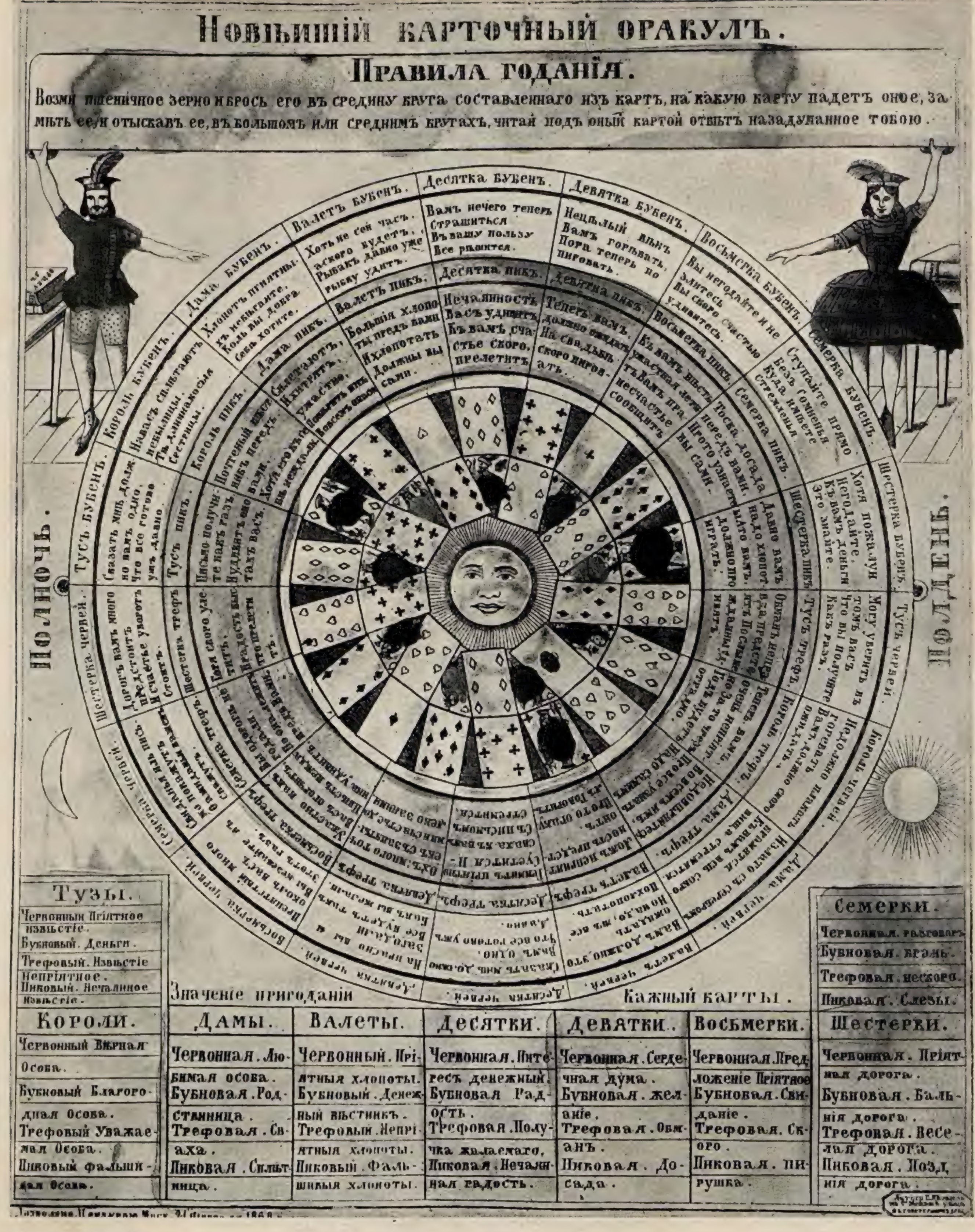
Лист № 44

Лист № 45

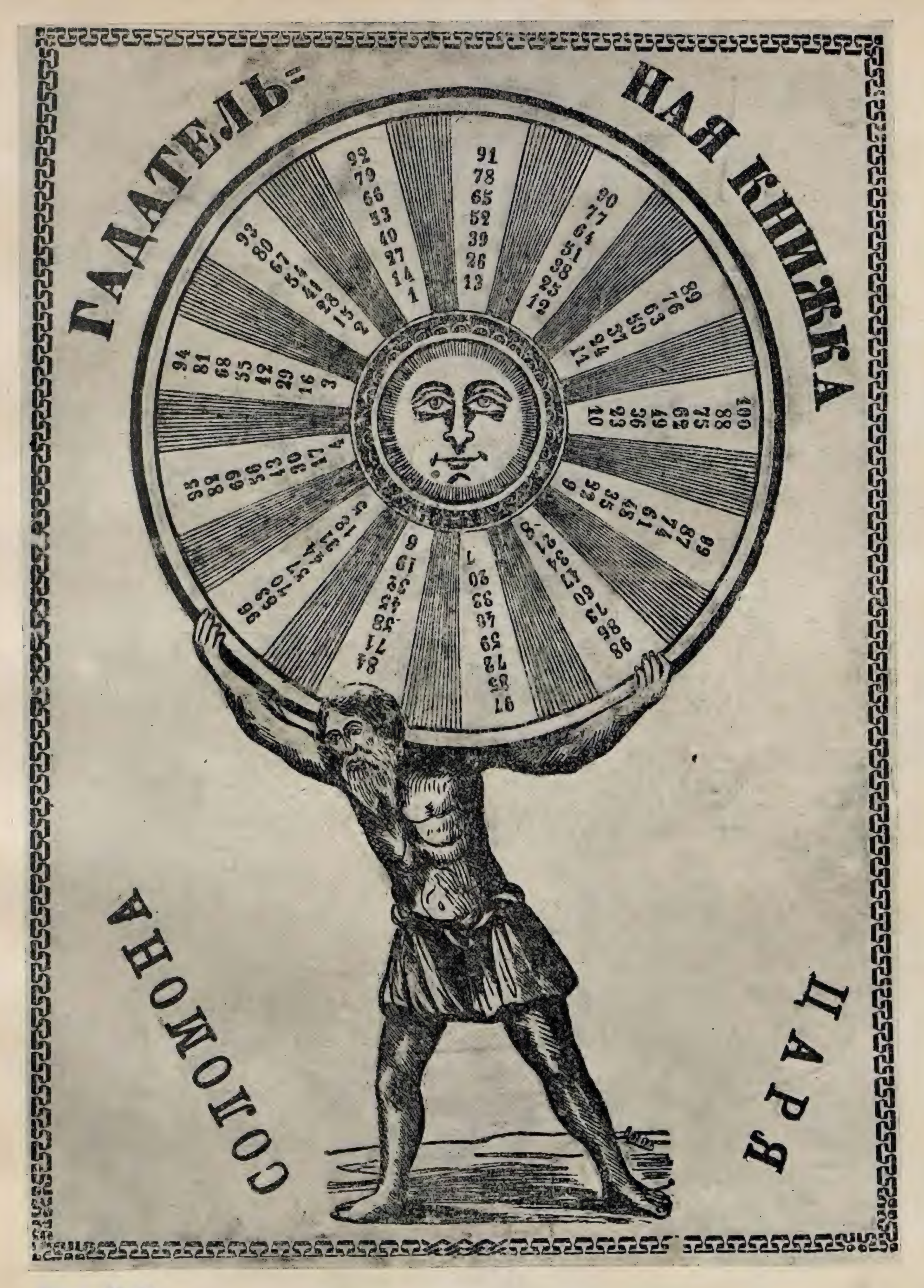

Лист № 46

Новѣйшій карточный оракулъ.
Правила гаданія.
Возми пшеничное зерно и брось его въ средину круга составленнаго изъ картъ, на какую карту падетъ оное, замѣть ее, и отыскавъ ее, въ большомъ или среднимъ кругахъ, читай подъ оный картой отвѣтъназадуманное тобою.
Полночь.
Полдень.
Десятка бубенъ.
Вамъ нечего теперь страшиться въ вашу пользу все решится.
Значеніе пригаданіи каждый карты.
Тузы.
Червонный Пріятное извѣстіе.
Бубновый. Деньги.
Трефовый. Извѣстіе непріятное.
Пиковый. Нечалиное извѣстіе.
Короли.
Червонный Вѣрная Особа.
Бубновый Благородная Особа.
Трефовый Уважаемая Особа.
Пиковый фальшивая Особа.
Дамы.
Червонная. Любимая особа.
Бубновая. Родственница.
Трефовая. Сваха.
Пиковая. Сплетница.
Валеты.
Червонный. Пріятныя хлопоты.
Бубновый. Денежный вѣстникъ.
Трефовый. Непріятныя хлопоты.
Пиковый. Фальшивыя хлопоты.
Десятки.
Червонная. Интересъ денежный.
Бубновая Радость.
Трефовая. Получка желаемаго.
Пиковая. Нечаянная радость.
Девятки.
Червонная. Сердечная дума.
Бубновая. желаніе.
Трефовая. Обманъ.
Пиковая. Досада.
Восьмерки.
Червонная Предложеніе Пріятное
Бубновая. Свиданіе.
Трефовая. Скоро.
Пиковая. пирушка.
Семерки.
Червонная. разговоръ
Бубновая. вранье.
Трефовая. нескоро.
Пиковая. Слезы.
Шестерки.
Червонная. Пріятная дорога.
Бубновая. Бальнія дорога.
Трефовая. Веселая дорога.
Пиковая. Позднія дорога.

Лист № 47

Лист № 48

ОХОТА НА СЛОНѢ ЗА ТИГРОМЪ

Лист № 49

Лист № 50.

Лист № 51.

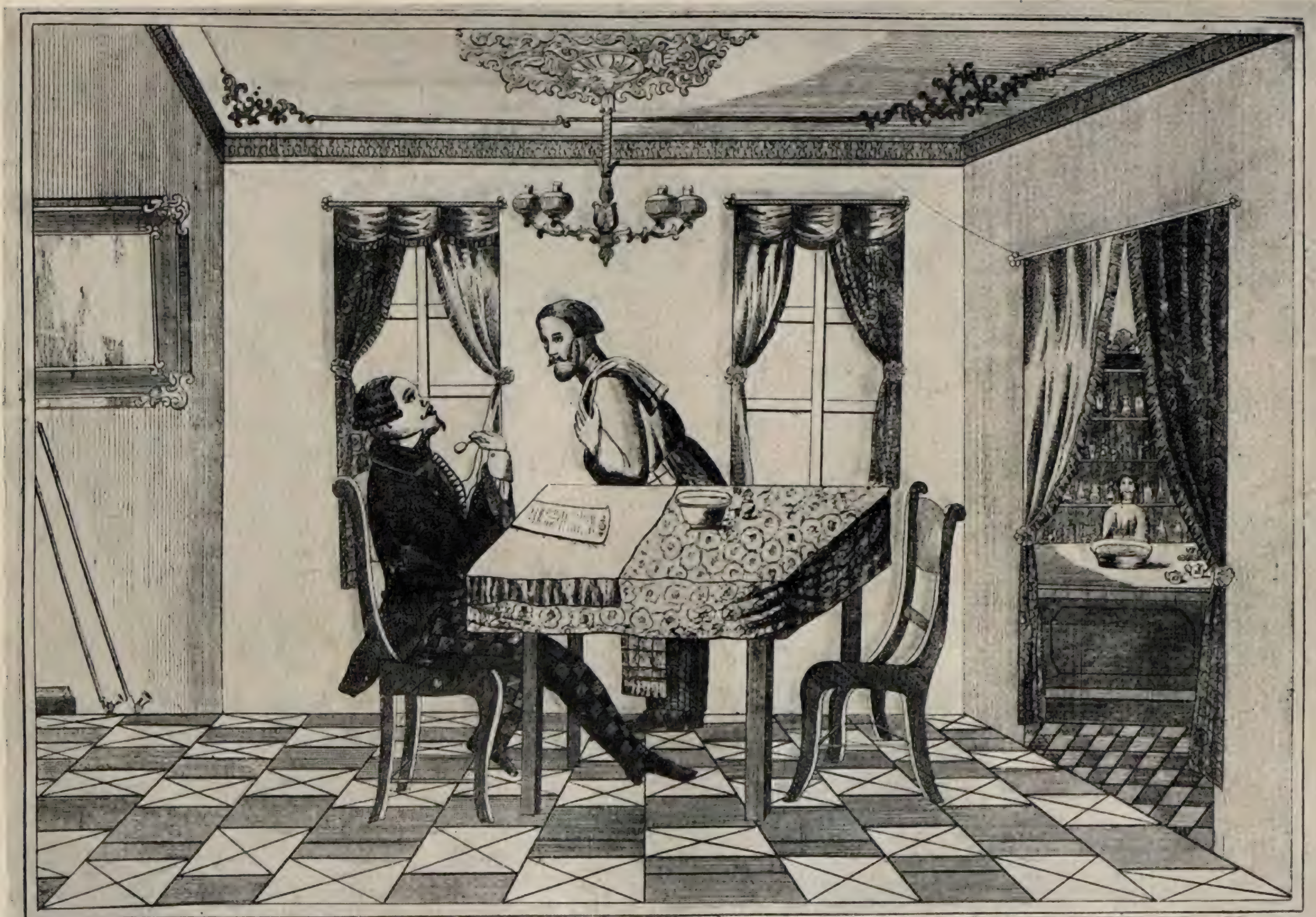

КРИНОЛИНЪ ИЛИ СРЕДСТВО ЗАМѢНИТЬ ИМЪ ПРИ СЛУЧАѢ ВОЗДУШНЫЙ ШАРЪ.

Знакомый, снявъ шляпу: А! почтеннѣйшій Прохоръ Никонорычь: мое вамъ всенижающіе! какими ето судьбами? вотъ оказія! бы-
вало въ паркъ васъ калачомъ незаманишь, а ноничь ишь какимъ франтомъ сюда явились. А что изволити здѣсь подпѣвати. никак-
природай залюбовались, на солначный закатъ глядите! дачто же ето вы не оглянетесь на меня, словно какъ бы ето къ вамъ и не отъ
носится, Прохоръ Никоноровичь, не спуская глазъ съ неба: Ахъ батюшки вы мои свѣты, бѣда какая! пропала теперь моя Марфушенька
ишь какъ ее, сердечную, бурей то подхватило, словно какъ бы перышко какое, такъ и мчитъ ее къ небу. Знакомый: да что же ето
такое случилось свами, почтеннѣйшій Прохоръ Никанорычь, раскажитека скорѣя. Фу ты, право какой бестолковой: да ты
погляди где моя Марѳа Савишна. изволила дома кринолинъ свой надѣть; говорилъ ей. смотри Марфуша не надевай говорю
неравно гроза моля подымется али вихарь какой, такъ послѣ говорю моля съ тобой и не справишься; такъ нѣтъ видиш-
шь ты такой сякой говоритъ старый хрѣнъ дискать все по старине говоритъ наровишь, А я по новизнѣ хочу, по нынѣшне-
му то есть вотъ те и по новизнѣ, вотъ те и по нынешнему... Ахъ ты Господи твоя воля, что теперь станешь дѣлать,
еще спасибо добрый человѣкъ попался, хотѣлъ было ее за ноги попридержать, такъ куда тебѣ! и его съ нею туда же.
А что Сидоръ Панфилычь куда ето они примѣрно залетятъ теперь. Знакомый: известно дѣло куда: Ужъ какъ они та-
мъ ни бейся, а дал… мар…ной рощи не залетятъ: ишь бурято попритихать стала, да и дѣло то идетъ къ ночи... А ви-
ди ты, кажись …-на бластъ инъ что ей за ноги уцѣпился, и хорошъ бы для тяжести и проч.

Печат. позв. Мо… 1853 го Ценсоръ П. Капнистъ. въ Литогр. П. Н. Шерапова

Лист № 53

ГОЛЬ НА ВЫДУМКИ ХИТРА

Половой Что прикажите-сь? Франтъ А что увасъ готовятъ? Половой Что прикажите-сь? Франтъ У васъ пироги готовятъ? Половой готовятъ-съ, съ чемъ прикажите-сь Франтъ А сколько стоитъ пирогъ? Половой Какой прикажетесь-съ и въ 10 копѣикъ есть и 15 есть. Франтъ А подливку подаютъ? Половой Какъ же подаемъ-сь. Франтъ А подливка сколько стоитъ Половой За подливку не чего не беремъ-съ. Франтъ А борщь есть? Половой Есть-съ, сколько прикажите-съ Франтъ А сколько стоитъ порція? Половой 30ть копѣекъ-съ. Франтъ А хлѣбъ къ борщу сколько стоитъ? Половой За хлѣбъ не чего не беремъ-съ Франтъ Такъ ты братецъ подай мнѣ порцію хлѣба и подливки.

Лист № 54

ПЬЯНЪ ДА ГЛУПЪ БОЛЬШЕ БѢШЕНЪ!....

Печатать позв. Москва. 1858 года Марта 17 ч. Ценс. Н. Фонъ-Крузе

1858 г. Печ. въ Металлогр. и Изданіе П. Н. Шарапова

Господинъ: ско-о-лько съ ме-меня! а! **Половой:** семь рюмочекъ-семь гривенъ съ,-рубль семь гривенъ-съ, два пирожка, да полпорціи судачка-рубль двадцать-пять рублей двадцать! селяночка да соляночка рубль съ гривной-съ, рюмочка да трубочка двадцать пять копѣекъ-съ,-всего восемь рублей двадцать пять копѣекъ съ пять копѣекъ вашей милости почтенья да тридцать ярославцамъ за услуженье. пожалуйте красненькую въ расчетъ и будемъ-съ! **ХОЗЯИНЪ.** (мальчику) вотъ, учись какъ услуживать! и хозяину даетъ пользу и гостямъ угоди! а главное въ домъ ни подъ какимъ видамъ, ни грошъ, никому! что бы ни осталася долженъ къ квартальному! безъ всякихъ разговоровъ.

Лист № 55

МОСКОВСКІЙ СБИТЕНЩИКЪ И ХОДЕБЩИКЪ.

Вотъ свитень горячій
Метъ казанскій,
Сбитенщикъ астраханскій
Самъ, хохлится,
Самъ, шивелится,
Самъ, Потрогиваится
Непьй пива крушку,
Выпей сбитню наполушку.

Съ нашева сбитню голова не болитъ
Ума и разума не вредитъ
Тетюшки, Варвары
Широкия карманы,
Марьй Иванонны,
Городцкіе Барыни.
Изволте кушать,
Адругие глядитъ да слушать

Пилъ самъ дядя Елизаръ.
Такъ и Проситъ, назаръ,
Несъ Поднесъ,
Подъ, самый носъ,
Какой вкуеъ, какой цвѣтъ,
Откушай сосетъ,
Все пьютъ да хвалятъ,
Нашего Брата и Поголовкіь гладятъ

Печат Позво. Москва [illegible] Литографій. А Прокофьева.
Цизуръ. фонъ. Крузе.

Лист № 56

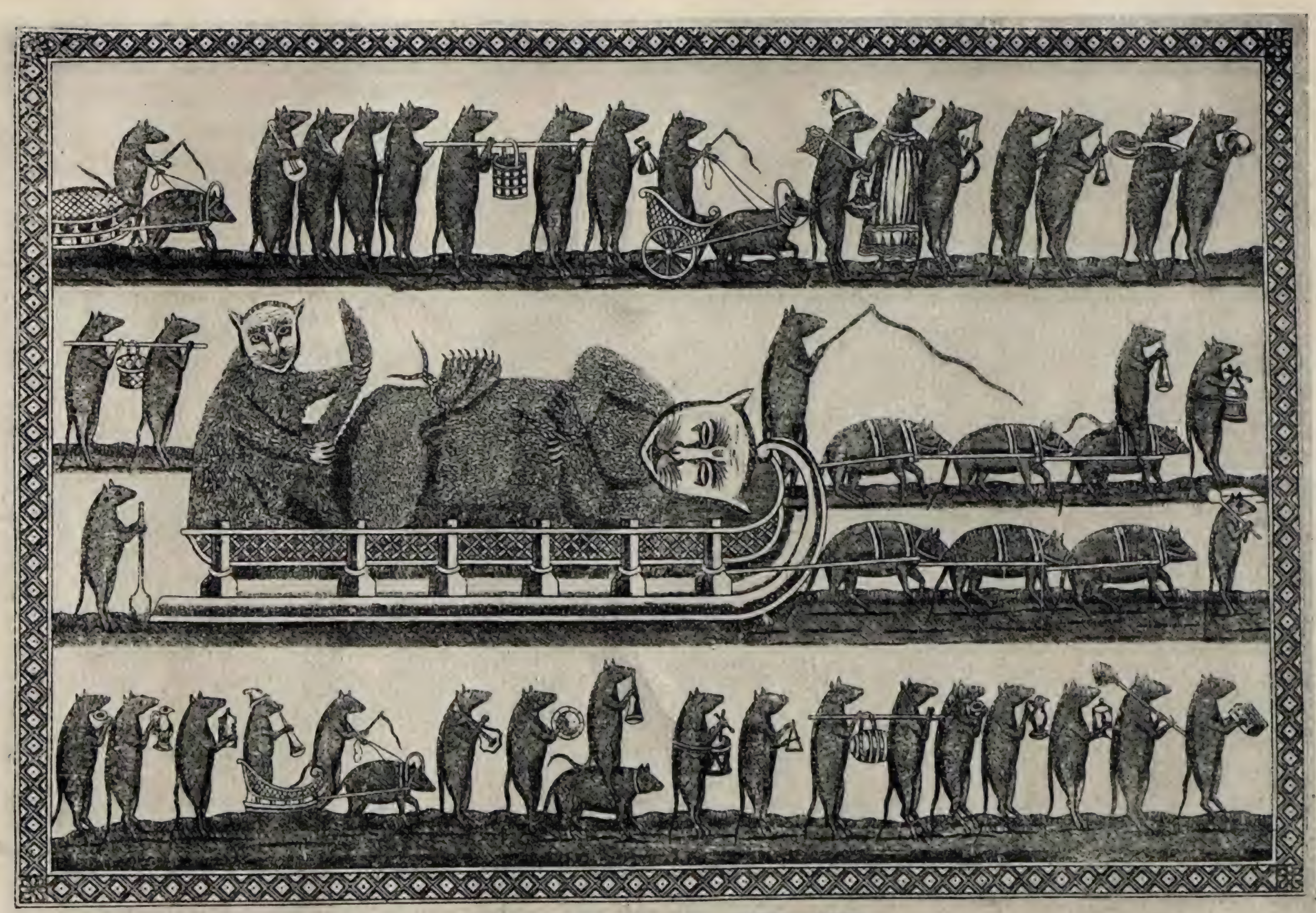

Росписъ приданаго молодцу удалому я читать буду слушай женихъ невертись что написано несердись, 1. Серги Золотыя изъ мѣди литыя. 2. Кольцо Золотое кольцо Серебряное позолоченое съ верьху медью околоченое. 3 Четыре Браслеты да Дѣвичьи Щеклеты 4, платье Матери море моръ съ Воробьевыхъ горъ 5 Шелковой Салопъ мѣховой три Лисьихъ овчинки да на Сто рублей починки 6. Новомодная Мантелия изъ гнилой Матеріи 7. Шкафъ изъ краснаго дерева отличный и вашему Званію приличный 8. Камодъ и Зеркало Чернаго дерева лежитъ въ закладѣ у Повѣреннаго, 9. Кресла и стулья Кривые и Косабокіе большіе и Широкіе. 10. На дворѣ Пѣтухъ да Курица а въ поставцѣ грошъ да Медная Пуговица. 11. Кровать объ трехъ ногахъ полено въ головахъ 12. Перина изъ Ежова пуха Болочена въ три обуха. 13. Одѣяло изъ ласкутьевъ Собрано и все изодрано. 14. Кухольная посуда три блюда разбиты. 15. Половикъ да Чучелька. Лоханка невеличька 16. Рукомойникъ да Корчага и ту разбила Кухарка Скряга. 17. Ножикъ Вилка чашка да Ложка. Мышка. 18 Три Кота и тѣ сгорели до тла, 19. Три тарелки Посуды да три Золы пуда. Деньгами Голикъ да веникъ да Сто рублей Денегъ. Есть ли вамъ Сударь, моя роспись въ честь то изволте посмотрѣть и Невѣста здѣсь.

Лист № 57

Лист № 58

НЕБЫЛИЦА ВЪ ЛИЦАХЪ.

Небылица въ лицахъ -найдена встарыхъ светлицахъ завернута въ черныхъ треницахъ жилъ былъ котъ Заморской а родомъ Задонской Катофевна Астраханка а родомъ Казанка вотъ какъ Мыши кота погребали своего недруга провожали ему честь оддавали попразванью Котъ катофеичь онъ часто пилъ Ерофеичъ невзначай онъ много выпилъ ерошки и вздернулъ кверху ношки катофевна такъ нахнула слезами залилась стала думать нга дать куда Катофейча девать она была нибогата но только слишкомъ торовата посылала звать гостей изовсехъ волостей полесамъ и попадямъ поанбарамъ поклетямъ скоро мыши собрались изаделo принялись пошла стрепня рукава стрехня жарили варили Катофеича хвалили блины допекали свово недруга поминали Коту ноги напрепко свезали и набольшія дровни подымали акатофевну съ зади посадили Катофевна горько плакала рыдала и приноты причитала и захвость Катофеича держала такъ мыши Кота поминали и ерофейчь допивали

Лист № 59

Свадьба медведя Мишки косолапаго.

Разъ косолапый мишка разкутился
На машки косорылой женился
Пиръ большой сотворилъ,
Всѣхъ мѣдведей пригласилъ.
Были у него и музыканты
И франтихи и франты.

И попивалы и объѣдалы
И волокиты и объдувалы.
Музыканты играютъ
невѣсть что задуваютъ,
Гости пируютъ,
Иныя танцуютъ,

Другія въ любви изъясняются,
Угодить мишкамъ стараются
Третьи вотку попиваютъ
грусть тоску забываютъ.
А хозяинъ на гостей любуется,
съ молодой женкой целуется,

За лапки ее беретъ
и слатки рѣчи ведетъ.
Гости такъ попировали что
четыри дня головы поправляли,
За пиръ мишку благодарили
И лѣтъ пять пронего говорили.

Лист № 60

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ

Увидя что мужикъ трудится надъ дугами
Исъ прибылью большой сбываетъ онъ ихъ срубъ
А дуги нада гнуть съ терпѣньемъ и невдругъ
Медвѣдь задумалъ жить такимиже трудами
Вдругъ полѣсу пошолъ итрескъ истукъ
Что слышно заверсту медведя все проказы
Орешнику березнику и вязы
Мой миша погубилъ несмѣтное число
А мишѣ недается такое ремесло

Идетъ нашъ миша къ мужику просить совета
Иговоритъ ему что запридчина эта
Деревьевъ много я ломать могу
А несогнулъ какъ ты неодного въ дугу
Скажи мой кумъ любѣзный и соседъ
Въчемъ главное твое уменье
А втомъ сказалъ мужикъ въ ответъ
Бываетъ много и трудовъ данетъ даразуменья

Лист № 61

Лист № 62

Лист № 63

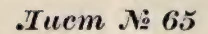

Къ Атаману Алжирскихъ разбойниковъ представляютъ бѣжавшую плѣнницу

Лист № 64.

Поллическимъ ... она имѣла связи съ Глаукомъ но Цирцея, которая такимъ-же образомъ любила Главка, оскорбившись предпочтеніемъ, которое онъ предъ нею давалъ Скиллѣ, заразила ядовитыми травами источникъ, въ коемъ ея соперница обыкновенно мылась. Скилла нечего о томъ незнавши, вошла по обыкновенію своему въ свой источникъ, гдѣ и привратилась въ слѣдующее чудовище. До груди она была такъ-же прекрасна, но на груди имѣетъ шесть собачьихъ головъ, а остальная часть волка и змія. Увидавъ себя таковою въ источникѣ, и испугавшись своего безобразія бросилась въ близь лежащіе море, гдѣ превратилась въ камень, извѣстный по многимъ кораблекрушеніямъ. Сей камень и въ настоящее время видимъ въ самомъ проливѣ Сицылискомъ, отдѣляющимъ Сицилію отъ Италіи, между Мессиною Сицылійскимъ и Ригіа Калабрійскимъ городомъ. Но поелику тѣ, которые ... привлечены были къ оному камню, сказываютъ, что они въ томъ мѣстѣ слышали какъ бы лай собачій и вой волчій, отъ сюда и заключали, что собаки и волки окружающіе Скиллу пожираютъ всѣхъ людей подвергнувшихся кораблекрушенію.

Лист № 65

Лист № 66

Лист № 67

Лист № 68

Вотъ Изволте видѣть Салтанъ машетъ платкомъ ему грозятъ штыкомъ завязалась кутерьма огнемъ горятъ дома громъ пушекъ. кряканье лягушекъ [illegible] песъ ничего не разберешь [illegible] зовутъ Данилой а жену Пениной [illegible] ходитъ Кузяла [illegible] въ овинъ [illegible] Кузьма [illegible]

Бразильская обезьяна Юлiя Пастрана славная дама нѣмецъ мудреный посадилъ въ клетку и народу за деньги кажетъ про чудо заморское исторiю раскажетъ. А ето чудище въ Кремлиновой [illegible] А вотъ извольте видѣть какъ армейскiй капральной съ Ярославской бабой ни [illegible] подъ старую балалайку отхватываютъ ногами [illegible] отрабатываютъ вотъ еще куда

Лист № 69.

Сильный Храбрыи Богатырь Илья. Муромецъ.

Вытзжаетъ изъ Чернигова на Кіевъ, подъ тзжаетъ къ Брянскимъ лѣсамъ, въ тѣхъ лѣсахъ жилъ на двѣнадцати дубахъ Соловей Разбойникъ который непропускалъ ни коннаго ни пѣшаго оглушалъ своимъ посвистомъ. вотъ онъ увидѣлъ Илью Муромца засвисталъ не донускал 20 верстъ потомъ за 10 еще троиче отчего Конь спотыкнулся, Илья муромецъ подъехалъ къ самому гнезду разбоиника снялъ съ плечъ тугой лукъ на ложилъ на него калену стрелу и пустилъ въ разбоиника и попалъ ему въ правой глазъ Соловей свалился какъ овсяной снопъ.

Лист № 70

СЛАВНЫЙ СИЛЬНЫЙ И ХРАБРЫЙ БОВА КОРОЛЕВИЧЬ ПОРАЖАЕТЪ ПОЛКАНА БОГАТЫРЯ.
Бова Королевичь три тысячи побивъ, бьется съ могучимъ Богатыремъ Полканемъ, такъ бьется, что земля трясется, но Бова его побиваетъ, и онъ на землю уподаетъ и Бова Королевичь Царствомъ владаетъ.

Лист № 71

Славный сильный и храбрый Витязь, Еруслан Лазаревичь ѣдетъ на Чудо великомъ Змѣи
отрехъ главахъ. А Прекрасная Царевна Анастасія Вохрамеевна встречаетъ его.

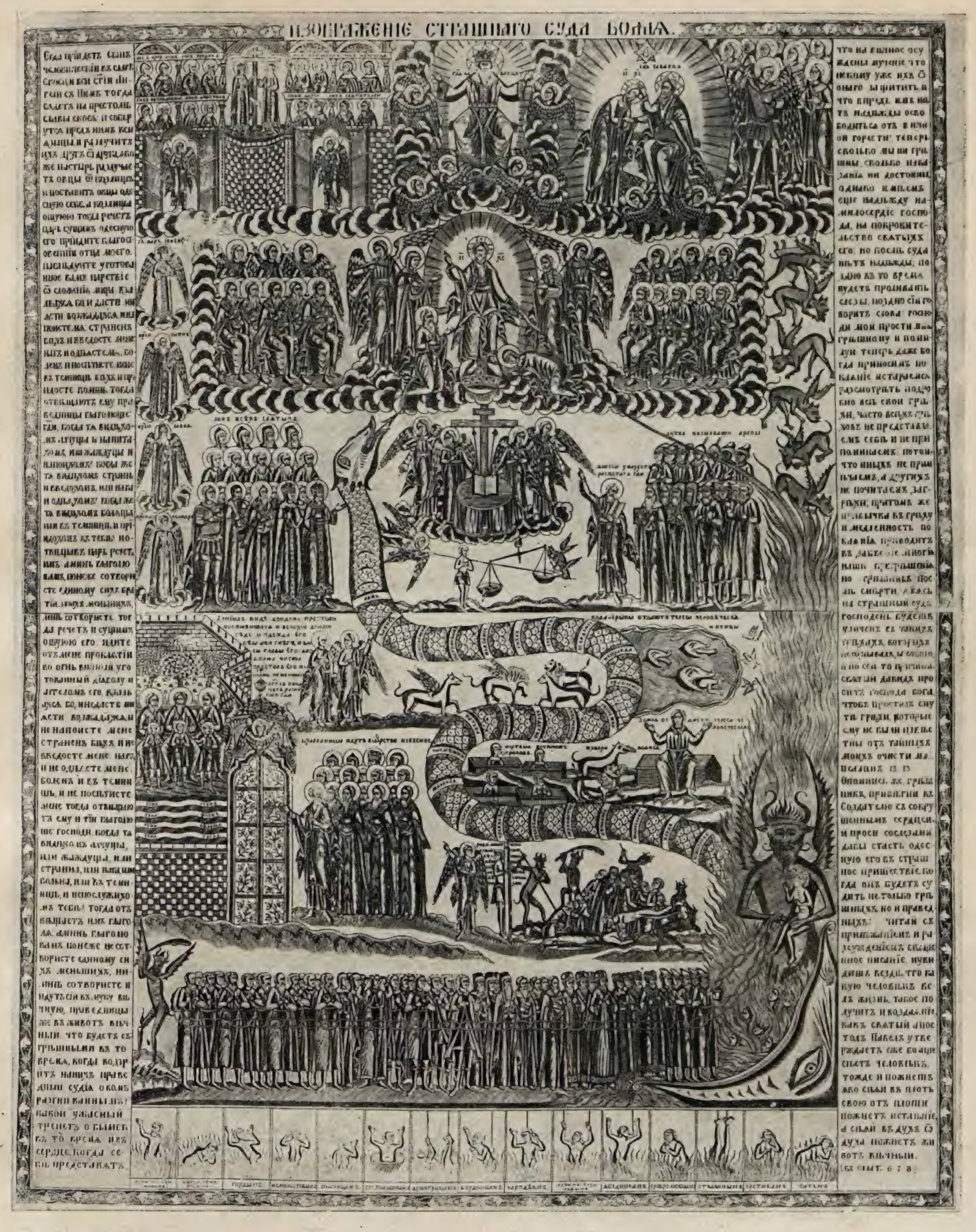
Лист № 72

Лист № 73

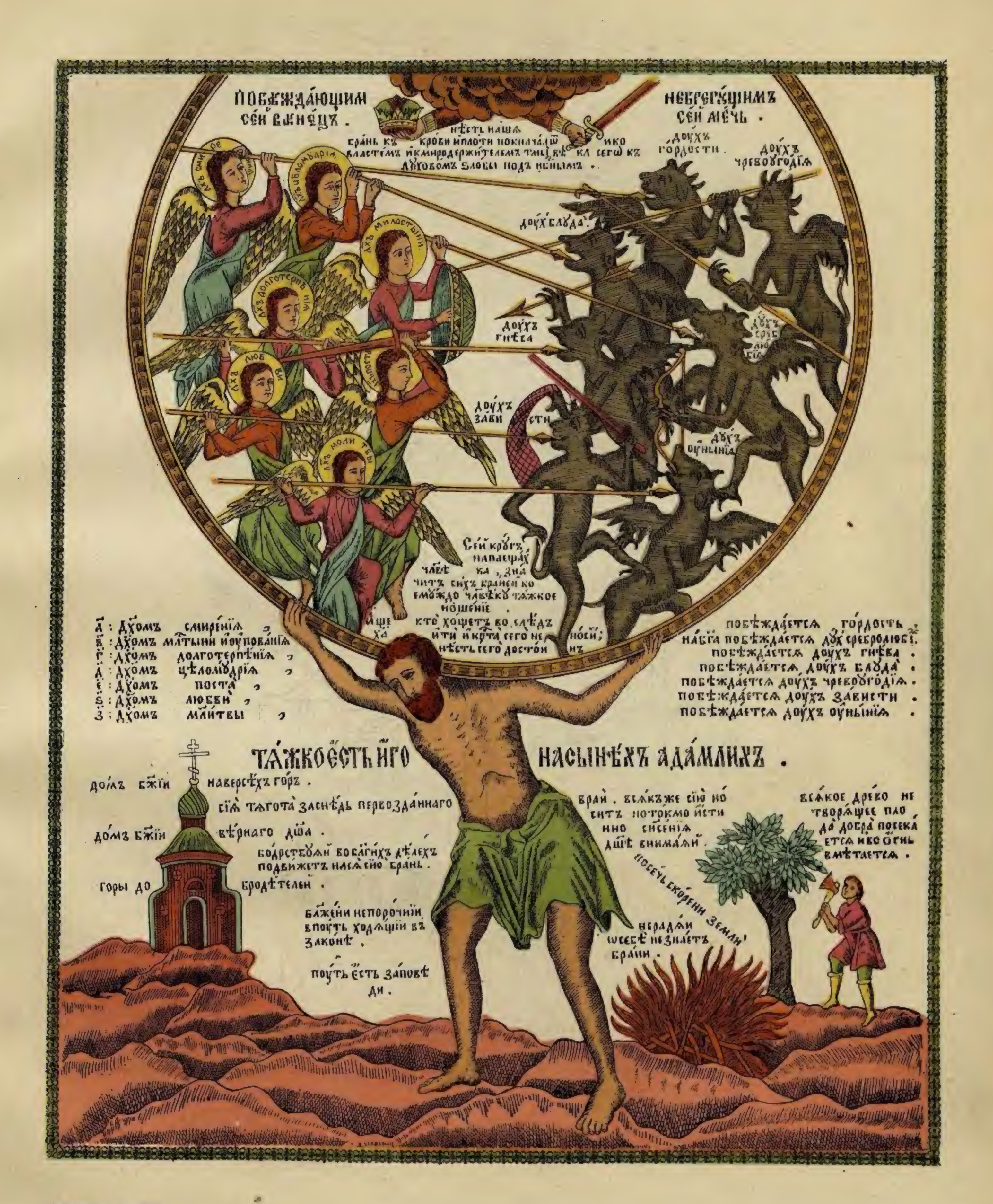
Лист № 74

Лист № 75

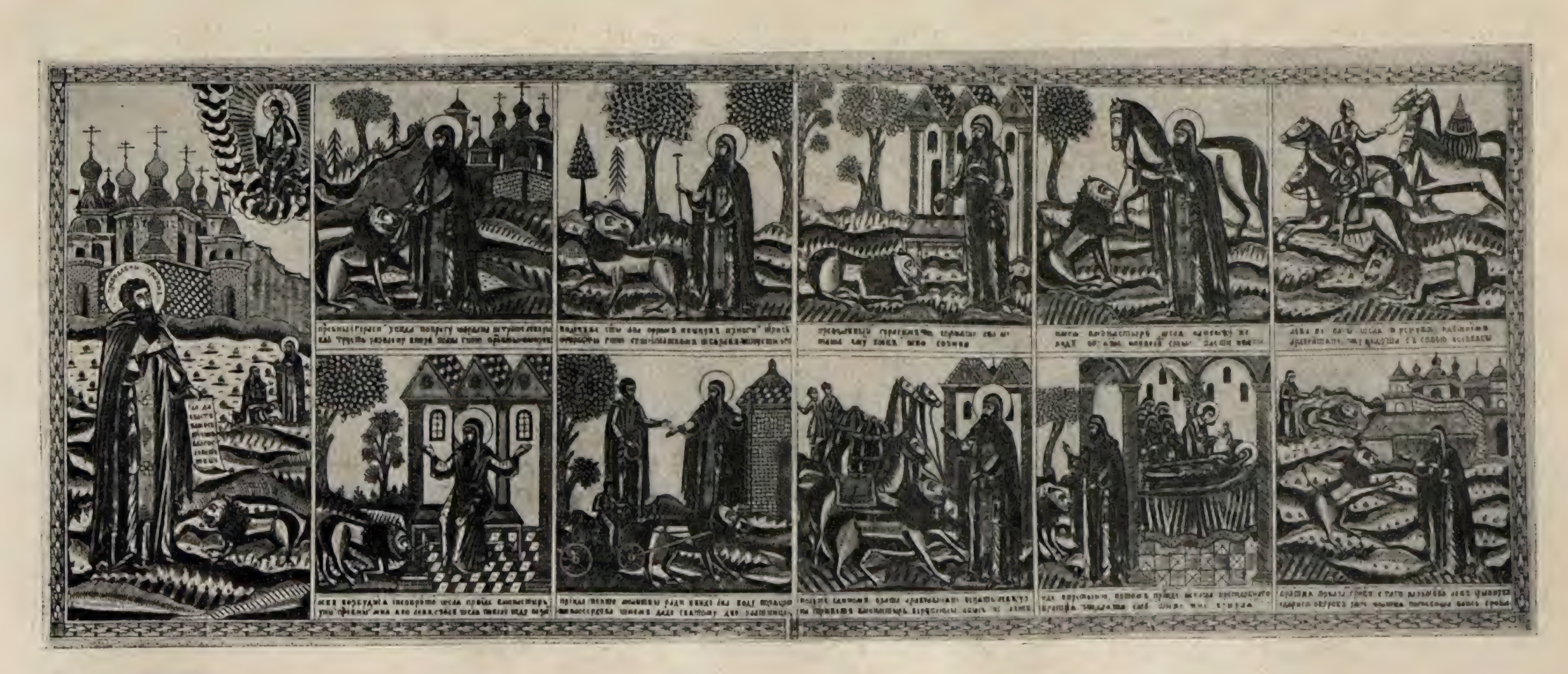
Лист № 76.

Побеждающим сей венецъ.
Небрегущимъ сей мечь.
Несть наша брань къ крови и плоти но къ началамъ и ко властемъ и къ миродержителемъ тмы века сего къ духовомъ злобы поднебеснымъ.
Доухъ гордости.
Доухъ чревоугодия
Доухъ блуда.
Доухъ гнева
Доухъ завистн
Доухъ оуныния
Сей кругъ напаещахъ человека, значитъ сихъ браней коемуждо человеку тяжкое ношение. Аще кто хощетъ во следъ ити и креста сего не носи; несть его достоинъ.
А: Духомъ смирения
В: Духомъ милостыни и оупования
Г: Духомъ долготерпения
Д: Духомъ целомудрия
Е: Духомъ поста
S: Духомъ любви
З: Духомъ молитвы
Побеждается гордость.
Наблага побеждается духъ сребролюбия.
Побеждается доухъ гнева.
Побеждается доухъ блуда.
Побеждается доухъ чревоугодия.
Побеждается доухъ зависти.
Побеждается доухъ оуныния.
Тяжко есть иго на сынехъ адамлихъ.
Домъ божий наверсехъ горъ.
Домъ божий
Сия тягота заседь первозданнаго
верьнаго душа.
Бодрствуяй во благихъ делехъ подвижетъ на ся сию брань.
Горы добродетели.
Блажени непорочнии в поуть ходящии въ законе.
Поуть есть заповеди.
Врай. всякъже сию носитъ нотокмо исти нно спасения душе внимаяй.
Посечь скорени земли
Нерадящее незнаетъ брани.
Всякое древо не творящее плода добра посекается и во огнь вметается.

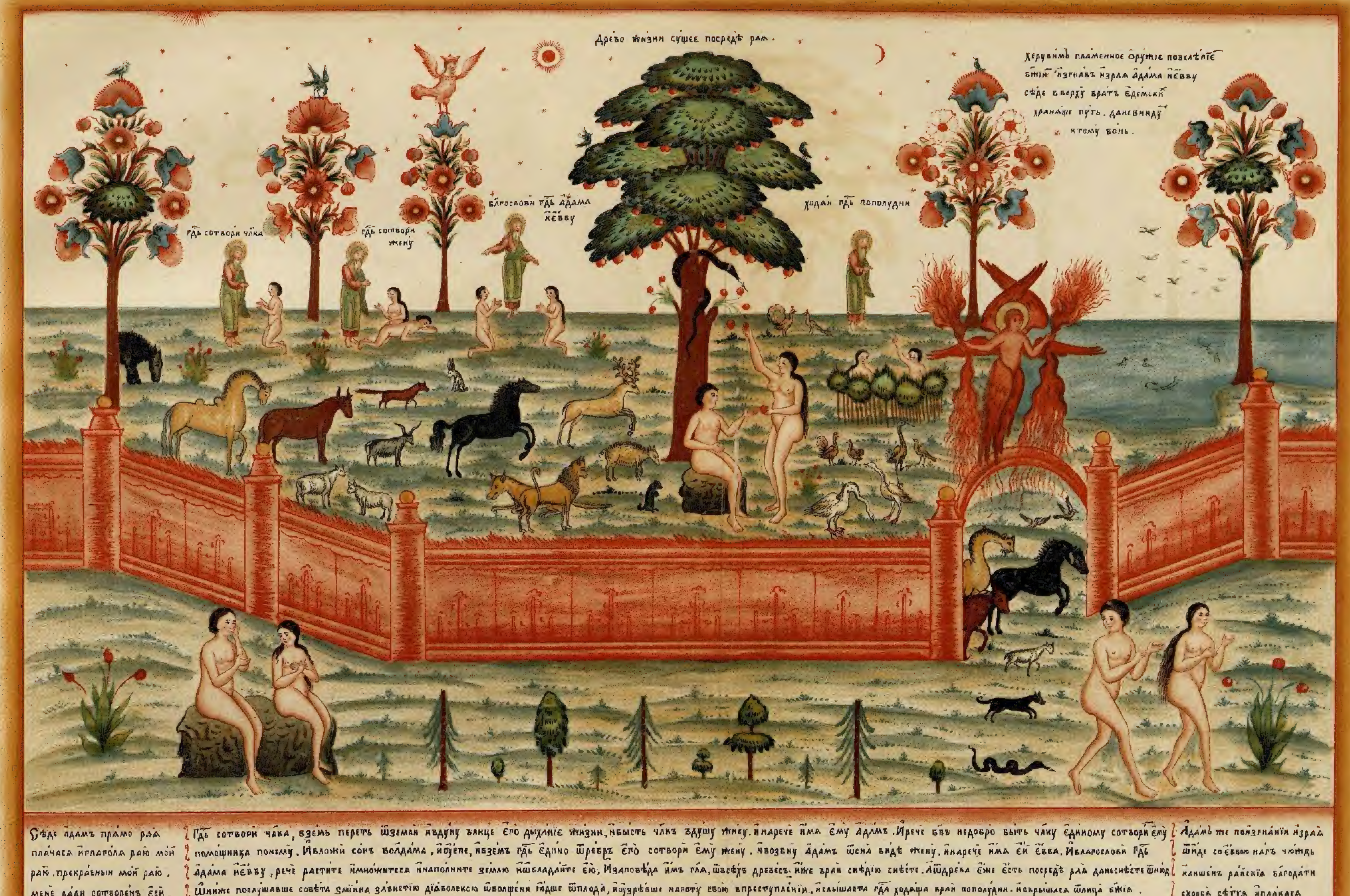
Лист № 77.

Генваря 17 дня виденіе Антонія ве
ликаго египетскаго бси верою ибд
еніємъ ипотомъ ограждаше свое
е тело диаволь шіощахъ пако
сти дея привиденій
Первое преображается вкрасные жены всеми ухищрении явися ему диаволъ видомъ аки отрокъ нерны страшенъ иплакаше возгласившу множество весов
бесовское устремися ишумен гласъ внезапу воста яко месту отоснованія двигнутися истены развалишася кабіе место образное все место исполни при
виденіями явихся вподобии лвовъ волковъ аспидовъ змиевъ скорпиевъ рысепь. кийждо естесствомъ своимъ бопрашаше левъ хотяи поглотити змие пискание мъ во
лки бегство ать рысь посвоему нраву ухищреніи творяше трепетныя виды всехъ зряще ся игласи ужасни всехъ слышахуся.

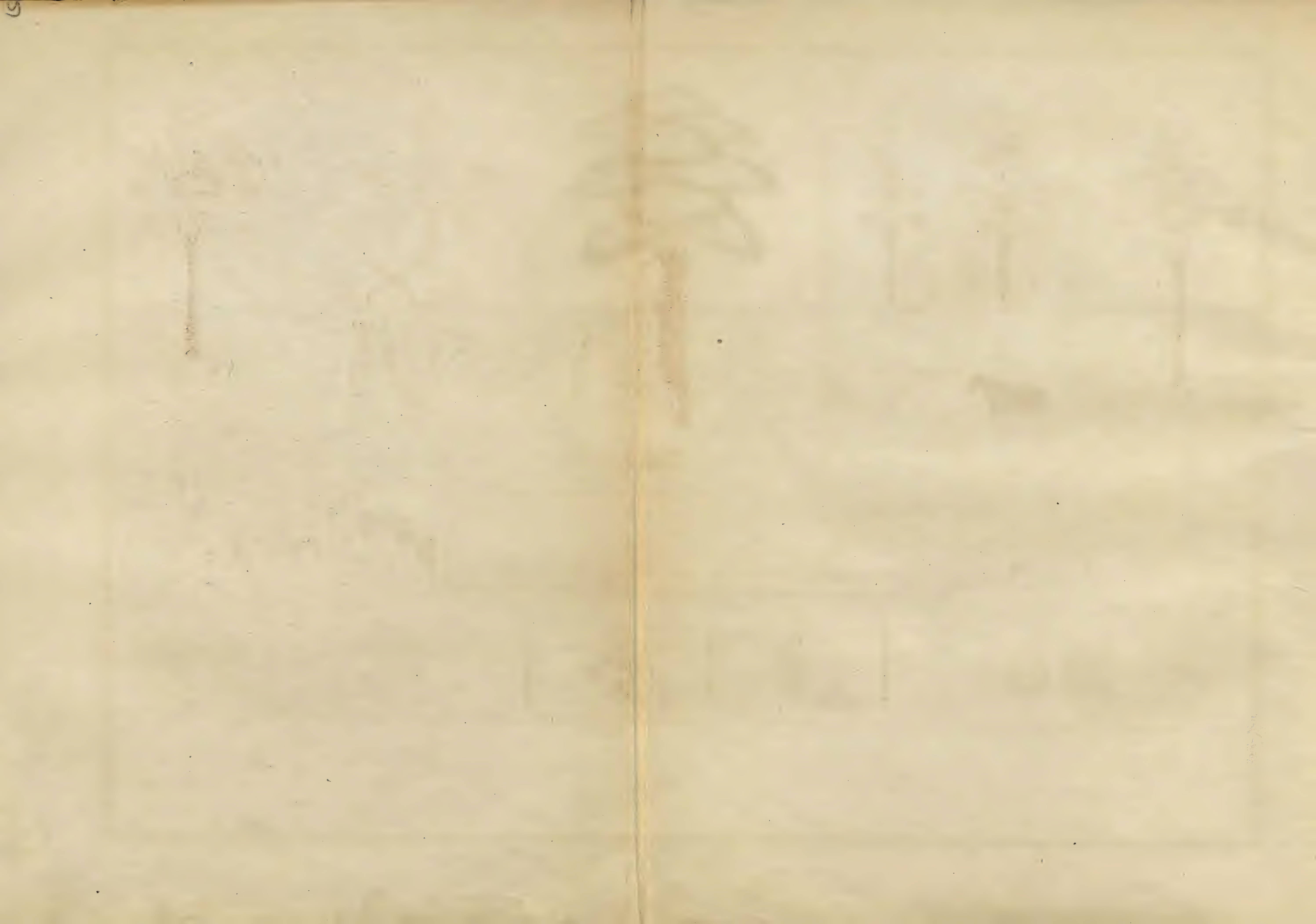
Лист № 78

Лист № 79

Древо жизни сущее посредѣ рая.
Херувимъ пламенное оружіе повелѣніе
бжіе изгнавъ израя адама иевву
сѣде вверху вратъ едемски
храняще путь. даневниду
ктому вонь.
Гдь сотвори чл҃ка
Гдь сотвори жену
Блгослови гдь адама иевву
Ходяи гдь пополудни
Сѣде адамъ прямо рая
плачася иглагола раю мой
раю. прекрасный мой раю.
мене ради сотворенъ еси,
евы же ради затворенъ.
еси.
Гдь сотвори чл҃ка, взємь персть ѿземли ивдуну влице его дыханіе жизни, ибысть члкъ вдушу живу. инарече имя ему адамъ. Иречє бгъ недобро быть члку единому сотвори ему
помощника поnему. Ивложи сонъ воадама, иоуспе, ивземъ гдь едино ѿребръ его сотвори ему жену. ивозвну адамъ ѿсна видѣ жену, инарече имя ей евва. Иблагослови гдь
адама иевву, рече растите имножитеся инаполните землю иѡбладайте ею, Изаповѣда имъ гла, ѿвсѣхъ древесъ иже врай свѣдію сиѣсте. Аѿдрева еже есть посредѣ рая данесиѣсте ѿнюд
Ѡниже послушавше совѣта зміина злвнетію діаволескою ѡболщени ядше ѿплода, иоузрѣвше наготу свою впреступленіи, ислышаста гда ходяща врай пополудни. искрышася ѿлица бжія.
Гдь близъ пріиде иречє, адамѣ, гдѣ еѣ, адамъ рече гди оубояхся тя яко нагъ есмь. гдь рече кто возвести тебѣ яко нагъ есмь. Оние рече жена прелсти мя иядохъ. иречє гдь женѣ, почто
прелстила еси адама, ижена рече что змія прелсти ю, юже еси сотворилъ. Иразгнѣвася гдь назмію гла, проклята ты буди вовсѣ скота извѣрахъ яко сотвори зло сіе.
Адамъ же поизгнаніи израя
ѿиде соеввою нагъ чюждь
иликшенъ райскія благодати
скорбя сѣтуя иплакася
горко.

Лист № 80.

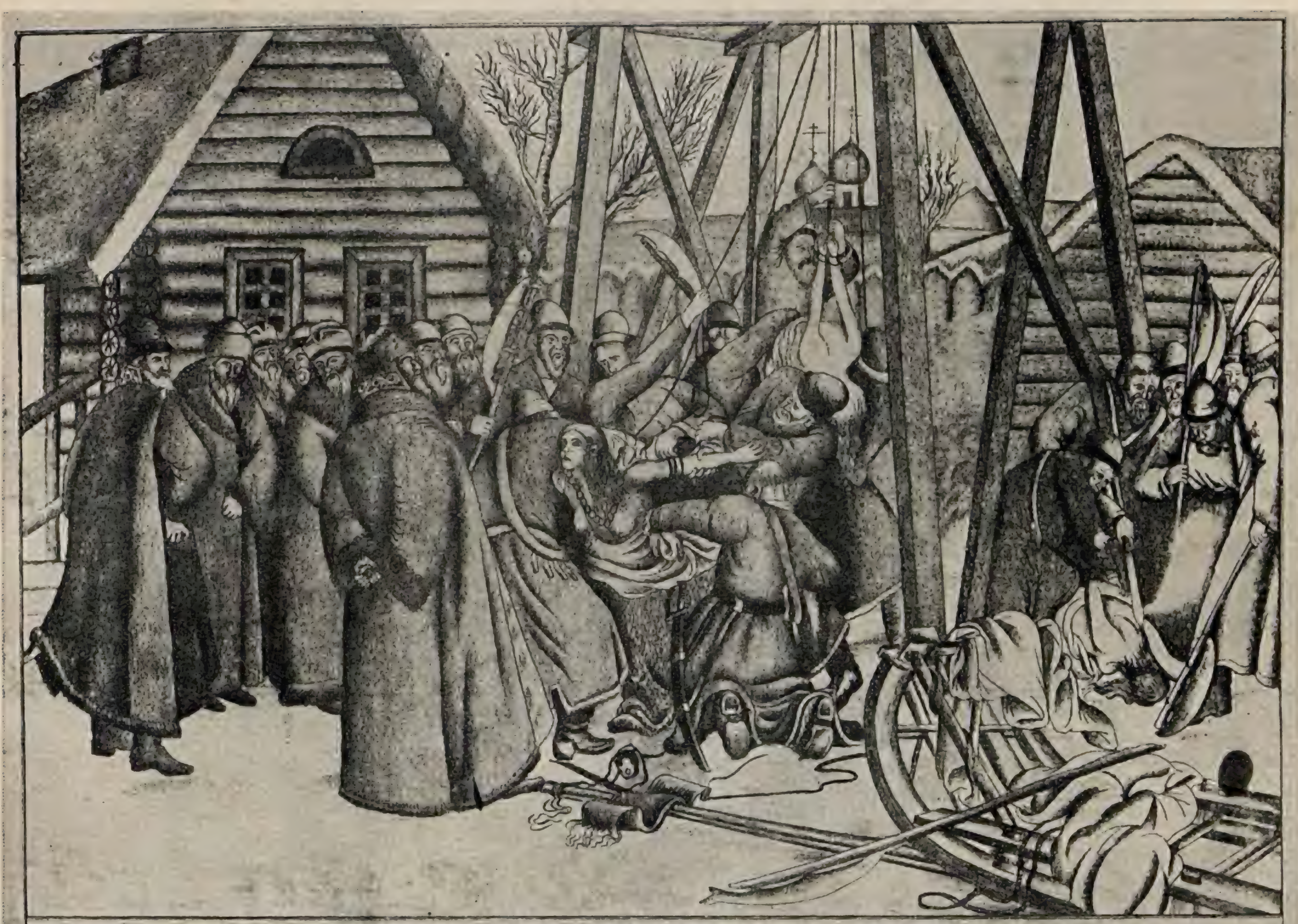

Лист № 81

Лист № 82

Мученіе за двуперстное сложеніе и млтву Іс҃ову: Княгини Евдокіи Урусовой и Феѡдосіи Морозовой.

Ждаши имъ гостей ѡбещанны. нѣ ко в҃і. ча нощи, Іоаки архимадри чюдова
монастыря вниде в постелью к Феѡдосіи дерзко. видѣ ю возлежащу, и понуди
ю востати. и рече ей како крестишися и млтву Іс҃ову глеши: Ѡнаже сложивши
двуперстно, по древнему преданію стыхъ оцъ, и ѿверзши уста своя гла: Гдѝ Іс҃е Хрте
Сне Бжій помилуй на. Таже пришедшіи с Іоакимо думный Иларіонъ Ивано и спроси
Евдокію, како знаменаешися. Онаже показа два перста и гла: Ста Іс҃а Ха Сна Бжія
величающи, рече сице азъ верую; Такоже и слу и вопросиша; Женію Іоанну тако и сіи не ѿ
вергошася и исповедаша яко и госпожи и. А Феѡдосіи и Евдокіи возложиша на нозѣ
и железа коньская. и привезоша в темницу. последже взяша и ведоша во вселенскіх
полату идѣже собрашася Павелъ митрополи Крутицкій, Іоаки архимандри чюдовскій и
умные. нача вопрошати митрополи Феѡдосію приобщишися ли по тѣ служебникам
новой дарь пріобщаетса; Она мужественно ѿвеща не причащуся, понеже нико враги Бжіи, слу
жебники нововни ересьми; Такожде Іевдокія ѿвеща, и сняша ѿковы с ногъ, и возложи
навыи ихъ. ѿниже знаменаша и целоваша цепи, и повезоша в два часа
нощи на ямской дворъ на мученіе. Князь Волынскій предъ мученіемъ
нача боярыню уговаривати: покорись хотя обманно ходи въ церковь
немолись тамъ, зделай только видъ что покаряешися, когда будешь кре
ститься поднеси три перста, а крестись двумя. Боярына ѿвещала:
не лгала а лгать не стану; подняли княгиню на дыбу, мучитель за
кричалъ: покаряешися ли, нетъ; ѿвечала она. и на вывернуты изсуста
вовъ рукъ показала двуперстное кртное знаменіе и после сего княгиню
на дыбе биша немилостивно бичами по всему телу. принуждающе ѿрещи
ся древняго блгочестія. Такоже мучиша и боярыню повесиша на ды
бу биша кнуты и палиша огнемъ, и ничим же мучители могоша ѿ
лучити блаженныхъ страстотерпицъ ѿ древнаго блгочестія, сняша и с дыбе
еле дышущи и вбросиша в темницу. и после ѿвезоша в Боровскъ и посадиша в ямъ где [illegible]

Лист № 83

Ѡ ПОСЛА́ХЪ РАЗЛИ́ЧНЫХЪ К ВѢРЕ К[н]ЗЯ ВЛАДИМИРА ОУВѢЩАВАЮЩИХ

Егда великїи кнзь владимиръ монархъ, и ли самодержецъ всея росїи, храбростїю и величествомъ царства своегѡ, во всеи подсолнечной паче иныхъ прославися, мракъ же бесовскагѡ прельщенїя, сиречь идолослуженїе. не оу ѿ негѡ свѣтомъ крщенїя стагѡ прогнанъ бысть. начаша к нему приходите посланники ѿ различныхъ царствъ и княженїи, всякъ хваляще свою вѣру:

Въ началѣ оубѡ прїидоша, магометаны: ихъ же владимиръ вопроси ѡ вѣрѣ, а ѡни ѿвѣщаша: вѣруемъ бгу, а магометъ намъ изволяетъ женъ имѣти елика ктѡ хощетъ. и всякїя сласти оупотребляти. точїю ѡбрѣзоватися. Свинїагѡ мяса неясти, и вина непити, точїю и прочїя неблгообразїя предлагаху, яже и писати нелѣпо есть. Владимиръ же яко женолюбивъ бѣ прилѣжнее ѡженахъ послушаше, но ѡбрѣзанїе, и непити вина, невозлюбися ему. и рече книмъ: неможимъ мы пребывати безвина: понеже въ росїанехъ все веселїе и прїятельство въ подпитїе бываетъ. Такожде и татаромъ египтяномъ арабляномъ. и нѣмцомъ, жидомъ и протчимъ ѿрече. Посылаше же часто и римскїи папа, и кесарѣ, и князи, да прїиметъ ихъ законъ хртїанскїи, но владимиръ соизволити имъ нехотѣ, яко оуставы латинскїи мало набожныи, и костелы ихъ невелми красны, мняхуся ему быти, точїю послы ѿ греческихъ кесарей, и патрїарховъ мѣсто оу негѡ с вѣрою и оуставами своими: яко тожъ польскїи лѣтописецъ стрїиковскїи свидѣтельствуетъ:

Лист № 84

Книга, Патерикъ Скитскій. Глава 29.

Нѣкіи старецъ ходя по пустыни, видѣ бѣса идущѣ мимо его, всего окаляна гноемъ сквернымъ, отъ главы и до ногу, и рече ему старецъ: гдѣ еси былъ діаволѣ; и что еси весь окалянъ гноемъ. Отвѣща діаволъ: на блудномъ быхъ дворѣ и осквернихся отъ блудныхъ женъ. Рече ему старецъ: да что не измыешися въ рѣцѣ или воисточницѣ; онъ же отвѣща: ни велитъ ми Вышній Богъ. Да поне и въ блатѣ, или въ колесницѣ умылся есмь. И тамо запрещаетъ Богъ вашъ измытися въ немъ, понежѣ христіане піютъ, и повелѣваетъ ангелу водному отгоняти насъ, онъ же оружіемъ огненнымъ прогоняетъ насъ. Рече ему старецъ, да гдѣ измыешися. онъ же отвѣща: пойду въ христіянскія домы, и гдѣ обрящу сосуды не покровенны. Ту вниду и измыюся. Они же послѣ пріимутъ болѣзни, скорби, кашлевъ и трисавицы, и иныя болѣзни. И се рекъ, не видимъ бысть. Сей старецъ сказа всѣмъ намъ на пользу слышащимъ аминь.

Лист № 85

СУЕТА СУЕТСТВІЙ
ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА
Чосень всвете человекъ
суетится целои векъ
щастья сыскать желаетъ
атого невоображаетъ
Что суета имъ управляетъ.
СЛУЖИТЪ ФАРТУНА ВЕРТИТСЯ КВЕРХУ ПОДНИМАЕТЪ АПОВРЕМЕНИ ИЗМЕНЯЕТЪ ИВНИЗЪ ОПУЩАЕТЪ
Порожденія постепенна достигаетъ юношества и мужества венецъ апотому старость иконецъ.
Когда человекъ приконцѣ жизни умираетъ и вся суету сего мира оставляетъ.

Лист № 86

РАЧИТЕЛЬНОЕ ДОМОВОДСТВО.
СВОЯ НОША НЕТЯНЕТЪ
Науки младаго украшаетъ
Даетъ пользу славу честь
Доброй матери смотренье
Не давать глупымъ забавъ
Нужно дать имъ наставленье
1) Кто решился коль женится
Хозяйство завести
То къ трудамъ нелѣнися
Свои тягости нести
По законному то праву
Тягость нужды переносить
Женежъ къ мужнему ко нраву
Примѣнятся и верной быть
3) Всемъ есть пара всякъ то знаетъ
Но судьба не знаетъ гдѣ
Всѣхъ глазами выбираетъ
Ищетъ дѣвушку вездѣ
На словахъ открыть не можно
Къ тому время не найдутъ
То потщися остарожно
Письмо въ руки подавать
4) Не старайся ты дѣвица
Холостыхъ собой прельщать
Будь къ издѣльямъ мастерица
Себя темъ обогащать
Имей дѣвушка заботу
Да приданое копи
6) Игры детския и забавы
Глупымъ нравятся всегда
Баловство ихъ портитъ нравы
Все не стоитъ ихъ труда
Потерять время вамъ досужно
По немъ будете тужить
Все игранье вамъ не нужно
Научиться чемъ вамъ жить

Лист № 87

СТУПЕНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ВѢКА.
ЖИЗНЬ СЪ ДАВНЯГО ВРЕМЕНИ РАЗДѢЛЯЕТСЯ НАДѢСЯТЬ СТУПЕНЕЙ, КОТОРЫЯ ВЫ МОЖЕТЕ ВИДѢТЬ
ВЪ ЭТИХЪ КАРТИНАХЪ, ЕСЛИ ВЫ ТОЛЬКО ЗАХОТИТЕ ОСТАНОВИТЬ НАНИХЪ СВОЙ ВЗОРЪ.
ЯНВАРЬ. ФЕВРАЛЬ. МАРТЪ. АПРЕЛЬ. МАИИ. ІЮНЬ. ІЮЛЬ. АВГУСТЪ. СЕНТЯБРЬ. ОКТЯБРЬ. НОЯБРЬ. ДЕКАБРЬ.
1. ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ. ДИТЯ.
2. ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ ЮНОША.
3. ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ. МУЖЪ.
4. СОРОКЪ ЛѢТЪ. ДЕЛОВОИ ЧЕЛОВѢКЪ.
5. ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ СПОКОЙСТВІЕ
6. ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЛЕТЪ ПРИБЛІЖЕНІЕ. СТАРОСТИ.
7. СЕМЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ СТАРИКЪ.
8. ВОСЕМЬДЕСЯТЪ. ЛѢТЪ ХВОРЪ
9. ДЕВЯНОСТА ЛѢТЪ ТРУДЪ И БОЛѢЗНЪ
100 ЛѢТЪ ОСОБАЯ МИЛОСТЬ БОЖІЯ.
ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ СЕИ ЖИЗНИ ПРИХОДИТЪ ВЪ БЕЗПЕЧНОЙ ИГРЕ БАБОЧКИ ЦВЕТОКЪ ДОСТАВЛЯЮТЪ УДОВОЛЬСТІЕ И СЧАСТІЕ.
ПРИНАСТУПЛЕНІЕ. ВТОРОЙ СТУПЕНИ ЖИЗНИ СТАНОВИТСЯ ВАЖНЕЕ ВЪ ЕТО ВРЕМЯ ЮНОША ВСТУПАЕТЪ ВЪ СВѢТЪ. СЧАСЛИВЪ ОНЪ ЕСЛИ НАПУТИ ЖИЗНИ НЕ СОБЬЕТСЯ СЪ ПРЯМОЙ ДОРОГИ.
ТРЕТЬЯ СТУПЕНЬ ПРЕОБРАЗОВЫВАЕТЪ ЮНОШУ ВЪ МУЖА ИНАДЕЛЯЕТЪ ЕГО СУПРУГОЮ СЪ ЕТАГО ВРЕМЕНИ ОНЪ ОБЯЗАНЪ ЗАБОТИТЬСЯ БЕСЪ ОТДЫХА О ЖЕНЕ ИО ДЕТЯХЪ.
СЪ ЧЕТВЕРТОЙ СТУПЕНИ НАСТАЕТЪ САМОЕ ЛУЧШЕЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКЪ ДЕЛАЕТСЯ ОСТОРОЖНЫМЪ ИСПОКОЙНЫМЪ ИБО ВЪ ЕТО ВРЕМЯ ВСЕ ЕГО ПОСТУПКИ БЫВАЮТЪ ОБДУМАНЫ.
СЪ ДОСТИЖЕНІЕМЪ ПЯТОЙ СТУПЕНИ МЫ ДОСТИГАЕМЪ СПОКОЙНАГО СОСТОЯНІЯ ТОГДА ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВѢКА ЧАСТО БЫВАЕТЪ ОБМАНЧИВА ИСТАРОСТЬ УЖЕ БЛИЗКА
ШИСТОЙ СТУПЕНЬЮ НАШЕЙ ЖИЗНИ МЫ БЫВАЕМЪ НЕДОВОЛЬНЫ ПОТОМУ ЧТО ВЪ ЕТО ВРЕМЯ НАСТУПАЕТЪ СТАРОСТЬ И УБОЛЬШОЙ ЧАСТИ ЛЮДЕЙ СМЕРТЬ НЕЗАМЕТНО СТАНОВИТСЯ ТОВАРИЩАМЪ.
СЪ ДОСТИЖЕНІЕМЪ СЕДЬМОЙ СТУПЕНИ НАЧИНАЕТСЯ СЕДАЯ СТАРОСТЬ ЧЕЛОВЕКЪ НУЖДАЕТСЯ ВЪ ПОДПОРЕ И ВЪ НЕМЪ ВЫКАЗЫВАЮТСЯ МНОГІЯ СЛАБОСТИ.
ВОВРЕМЯ ОСЬМОЙ СТУПЕНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ МЫ БЫВАЕМЪ УЖЕ НИ КЪ ЧЕМУ НЕСПОСОБНЫ ТВЕРДОСТЬ ДУШИ И ТЕЛА ПРОПОДАЕТЪ СЕДЫЕ ВОЛОСА ПОКРЫВАЮТЪ ГОЛОВУ И ЗРЕНІЕ НАШЕ СЛАБЕЕТЪ
ДОСТИГНУВЪ ДЕВЯТОЙ СТУПЕНИ НИ НАШЕЙ ЖИЗНИ МЫ СТАНОВИМСЯ ПОДОБЫМИ ДЕТЯМЪ ПОПРИЧИНѢ СЛАБОСТИ ДУХА И ПЛОТИ ТРУДЪ И БОЛѢЗНЬ
ДЕСЯТОЙ СТУПЕНИ ЖИЗНИ ДОСТИГАЮТЪ НЕМНОГІЕ ЛЮДИ И ТЕХЪ ЛЮДЕЙ КОТОРЫМЪ УДАВАЛОСЬ ДОСТИГАТЬ ЕТОЙ ПОСЛЕДНЕЙ СТУПЕНИ ЖИЗНИ НАЗЫВАЮТЪ ЛЮБИМЦАМИ БОЖІИМИ.

Лист № 88

Лист № 89

Лист № 90

МЦА ѠКТОВРЇА ВЪ В҃
дн҄ь. Житїе стагѡ андрея
хрⷭта ради оуродиваго.
Ис книги минеи четїи.
Списано никифором презвитером
церкве стыя софїи въ црⷭе градѣ.
Здѣже вкратцѣ ѿ пролога со
брано.
Прильвѣ царѣ велицѣмъ,
бѣ моужь в констан
тинѣ градѣ именемъ
феѡгнастъ, сей купи

Лист № 91

ржтво гда бга и спса нашего іса
хрта . на великои вечерни . стиры .
гласъ в .

Лист № 92

Его Сіятельство Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ Намѣстникъ Кавказскій

Лист № 93

ВЫЛАЗКА ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЯ ПРОИЗВЕДЕННАЯ 18го НА 19^е АПРЕЛЯ 1855 ГОДА.

Въ ночь съ 18го на 19^е Посль отбитія непріятельскаго отряда, вышедшаго изъ траншей для производства подступовъ здълана была нами малая вылазка въ направленіи къ непріятельскимъ воронкамъ впереди 4го бастіона дабы привлечь туда большія силы и потомъ взорвать, заблаговременно приготовленные пять горновъ. Предпріятіе это увънчалось успъхомъ, работы устроенныя здъсь осаждающимъ, были разрушены, и посль взрыва слышны были изъ второй воронки стоны раненыхъ и видны были люди въ злътевшія на воздухъ.

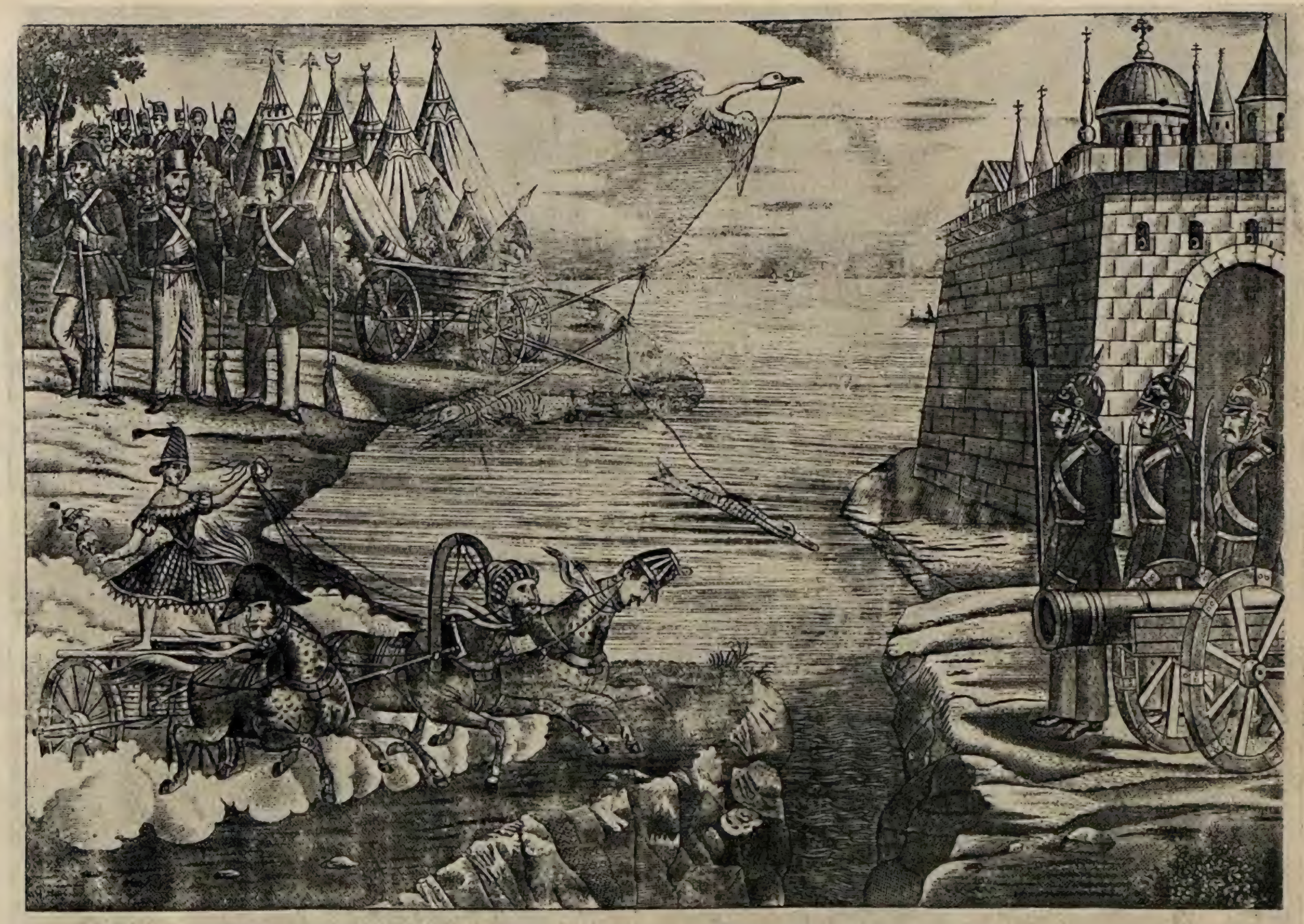
Лист № 94

НАПАДЕНІЕ АНГЛИЧАНЪ НА СТАВРОПИГІАЛЬННЫЙ СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

1854. г. Іюля 6го дня въ 8^{мъ} часу до полудня, два Англійскія парахода, подойдя къ монастырю стали на якорь, тотчасъ настоятель монастыря, Александръ по отслуженіи молевна, здълавъ крестный ходъ по кругъ монастыря по стънъ ограды сказалъ увъщаніе нижнимъ чинамъ и живущимъ въ монастырь, стать храбро завъру и Св. обитель, на другой день непріятель открылъ канонаду продолжавшуюся 9½ часовъ, ядрами, бомбами гранатами, картечью и каленными Ядрами. съ нашей стороны отстръливались 8^{ю} пушками съ ограды монастыря, и Артилерійскими 2^{мя} орудіями съ батареи, где не пріятель, не причинивъ никакого вреда съ стыдомъ отплылъ назадъ.

Лист № 95

ТРОЙКА

Вотъ мчится тройка удалая,
А глупость водро правитъ ей,
И въ бездну тащитъ какъ шальная.
Разно-калиберныхъ коней:

ТРИ ТОВАРИЩА

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ
На ладъ ихъ дѣло непойдетъ
И выйдетъ изъ него не дело только мука
Однажды Лебедь Ракъ да Щука,
Вѣсти съ Поклажай возъ взялись
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись
Искожи лѣзутъ вонъ а возу все нѣтъ ходу.
Поклажа бы для нихъ казалась и легка
Да Лебедь рвется въ облака
Ракъ пятится назадъ А Щука тянетъ въ воду
Кто виноватъ изъ нихъ Кто правъ?
Судить Не намъ,
Да только возъ и нынѣ тамъ

Лист № 96

Лист № 97

Лист № 98

Лист № 99

Лист № 100

Лист № 101

Лист № 102

Лист № 103

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

146

СОДЕРЖАНИЕ

147

Обложка, форзац и шмуцтитул исполнены по типу древних рукописных поморских грамот и лицевых книг XVII—XVIII веков художником Е. А. Данилевской.

Редактор Н. РОМАНОВ
Технический редактор
П. М. КАЗАРИН
Художественный редактор
М. П. СОКОЛЬНИКОВ
Сдано в набор 1/VI 1936 г.
Подпис. к печати 9/X 1936 г.
Уп. Главлита № Б-27/255.
Тираж 5000 экз. Зак. № 760
Изогиз № 8620. Печ. л. 23.
Бумага 72×110 1/8 д. л.

Отпечатано в 18-й типогр. треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский, 10.

Цена 26 руб. 50 коп.
Переплет 3 руб. 50 коп.

